

ЛАБИРИНТЫ МИРОВ

Виктория
Короткова

Мир, в котором
меня любят...

16+

Виктория Короткова

Лабиринты миров. Мир, в котором меня любят

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63666741

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-93686-7

Аннотация

Пандемия забрала у Анны Мироновой семью. Еще несколько месяцев назад она была дочкой, женой и матерью, а теперь заливает внутреннюю пустоту вином. Однажды ее внимание привлекает передача, где ученые обсуждают возможность того, что параллельные вселенные существуют и в них жизнь могла сложиться иначе. Аня вспоминает, как на похоронах близкий друг проговорился о секретном проекте подготовки пилотов в параллельные миры. И решает во что бы то ни стало попасть в него, чтобы получить шанс увидеть родных еще хоть раз.

Эта книга не о путешествиях в другие миры. Она расскажет о том, что нужно подниматься с колен, даже если очень больно. Нужно идти вперед, даже если очень тяжело. Нужно жить дальше, даже если это кажется невозможным.

Содержание

Пролог	4
Шаг первый	11
Шаг второй	39
Шаг третий	62
Шаг четвертый	77
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Виктория Короткова

Лабиринты миров. Мир, в котором меня любят

Пролог

Открыть глаза, закрыть глаза,
И день прошел в тумане винном.
Украдкой проскользнет слеза
О душах, сгинувших безвинно.

Я потеряла счет бокалам, выпитых в тот день. Пустые бутылки с иероглифами на этикетке стояли в ряд, как кегли, и стоило чуть задеть одну из них, падали дружным строем, гремя и мешаясь под ногами. Вкус китайской сливы давно приелся, и рецепторы уже не улавливали нотки букета фруктов и специй. Правда, пила я не ради ощущений, мне нужно было затуманить голову, но все же, слова и люди всплывали четкими образами, не давая забытья.

Вино десертное. Меня всегда тянуло на сладкое, когда в жизни что-то не складывалось, вот и сейчас это было единственное, что без сопротивления отправлялось в желудок. Важно было, что оно притупляло голод, ведь его не надо бы-

ло заедать.

К виноградным винам следовало подавать паштет, набор сыров с грецкими орехами и медом, бутерброды с рыбой или икрой на хрустящем багете, яйца, фаршированные печенью трески, зеленые оливки, разносолы из бабушкиных подвалов, включая черемшу и корнишоны. А потом добавить горький шоколад с кусочками сублимированных фруктов, белоснежные меренги и ягодный зефир без сахара, шарики марципана, обсыпанные молотой корицей, восточные сладости в маленьких коробочках, а иногда еще и домашнее мороженое, эксперименты с которым никогда не заканчиваются.

Виноградное вино заставляло погружаться в воспоминания: белое полусладкое – это отпуска в Крыму, белое сухое – поездки в Европу, красное сухое – встречи с друзьями, красное полусладкое – семейные вечера, игристое – это обязательно праздник, даже если всего для двоих. Каждая молекула знакомого аромата вызывала столько мучений, что лишь почувствовав новый ягодный букет, я легко отказалась от прежних привычек.

Приторно сладкое сливовое вино – это вкус, не привязанный к прошлому, не тянущий в глубинные закрома памяти, но помогающий оставаться одной ногой в реальности, проживая одиночество день за днем. В новом напитке не было ничего лишнего. В нем не было никого, кроме меня. Оно играло оттенками жалости и отвращения, отрицания и бо-

ли, тяжести и слабости. Оно попадало сразу в центральную нервную систему, притупляя ощущения и размягчая тело. Я чувствовала, куда бежала каждая капля, какую рану она омывала содержащимся в ней спиртом, потому что щипало так сильно, что я кричала, пока не кончались силы или не садился голос, или не начинала захлебываться в собственных слезах.

Меня спасала предусмотренная шумоизоляция в квартире, иначе соседи давно бы сдали меня в психушку, где, скорей всего, мне и место. Они не слышали, как душа рвалась на части, как сердце трещало по швам, пропуская удары, как осколки жизненного пути звенели, ударяясь о пол и впиваясь в голые ступни, пронизывая все тело сотнями иголок. И не видели. Не видели, как быстро я теряла килограммы и веру в добро, как увеличиваются круги под глазами и свалка вокруг меня. Поэтому им покойно спалось по ночам.

Сложно сказать, когда мне удавалось вздремнуть. Телевизор, звонки в дверь и по телефону порой будили, и нельзя было точно сказать, провалилась ли я в сон на час-два или успела только моргнуть. Дни то тянулись, замедляясь настолько, что можно было видеть, как пробегают мимо секунды, то пролетали так стремительно, что бокал опустошался только наполовину. Иные дни приносили облегчение: мне бывало так плохо, что я не выходила из ванной комнаты и, отползая от унитаза, вырубалась тут же на полу. Отрадой была пустая голова, не создававшая ни одной мысли, кроме

непосредственных физиологических потребностей. Обычно я просыпалась от ощущения холода на жесткой плитке или затекших в неудобной позе конечностей, но никогда из-за сновидений.

Вечерами, когда казалось, предел достигнут, я обещала себе с утра сдержаться, вытерпев муки восстановления, ради тех, кто возложил на меня надежду выжить и бремя быть последней из своих. Но приходило утро, и вместе с глазами открывалась новая бутылка. Потому что куда я ни смотрела, мир принадлежал не только мне, однако разделить его было больше не с кем. Сейчас, когда мир отпустило от пандемии, массовой истерии и животного страха за свою жизнь, у меня не было желания идти в будущее и особенно знакомиться с новыми людьми и улыбаться.

Поэтому я почти не выходила на улицу. Только первое время, чтобы уволиться с работы, ведь движение вперед для меня потеряло смысл, чтобы продать недвижимость родителей, не собираясь ни использовать, ни сдавать, ни дарить. На моем счету в банке появилась такая сумма, что можно было бы купить один из маленьких остров возле Сицилии, а я ерзала в кресле, чтобы поскорей закончить бумажную волокиту и вернуться в четыре стены, ставшие тюрьмой на время самоизоляции и спасением теперь. Потеря семьи оказалась прибыльным делом, и иногда меня прорывало на дикий, близкий к сумасшествию хохот. После чего я, конечно, была бокал, швыряя его куда попало, и злилась на приступ умопо-

мрачения. Гадкая ирония судьбы подарила мне свободу действий тогда, когда мне уже ничего не требовалось. Мне больше не на кого было тратить ни время, ни силы, ни деньги. Была только зияющая пустота в душе, которую нужно было заливать вином, чтобы замедлить реакцию и притупить понимание.

А за окном почти всегда был дождь – куда ж без него. Не знаю, раздражала ли меня его барабанная дробь или успокаивала. Как при великом потопе он все шел и шел, встречая меня мокрыми объятьями. Правда, я так же не исключала возможность, что это был один и тот же день – день сурка – и он повторялся снова и снова, как кармическое издевательство. Но все же я продолжала жить, хотя на балконе меня часто посещали мысли: «А что если..?».

Я росла в розовых очках и мечтала о большой и чистой любви. Считала, что найти свою половинку, это лучшее, что может случиться с каждым, и очень переживала, когда люди расставались. Не уверена, можно ли это считать везением, но я встретила своего будущего мужа очень рано, сошлись мы сразу. А потом появились дети, и оказалось, что любовь к ним – это другой уровень отношений в семье. Любовь растет вширь и вглубь, а отношения мужчины и женщины перерастают в нечто большее, чем плотские утехы. При любых падениях я не позволяла себе ныть и жаловаться, потому что никто кроме нас не покажет нашим детям, как научиться подниматься с колен и добиваться цели. Поэтому перечи-

тав Анну Каренину уже взрослой, я испытывала редкостную неприязнь к героине, бросившей сына расти без матери из-за неудачного романа.

Тогда во мне жила уверенность, что случись что с мужем, я бы не стала убиваться слишком долго, ведь мне пришлось бы продолжать растить двух маленьких джентльменов, которым требовалась любовь и забота родителя. Да и самоубийство казалось мне глупым.

Однако оставшись в одиночестве, я много раз представляла, как накладываю на себя руки в своем стремлении присоединиться к родным. Вот жизнь покидает тело потихоньку, грамм за граммом, миллилитр за миллилитром. Вот уже осталось совсем чуть-чуть. Но как ясно мыслит голова в эти последние мгновения и как хочется жить. Я проживала эти секунды тысячи раз, и каждый из них возвращалась к жизни – в мыслях, конечно.

Раньше я спрашивала себя, что может довести человека до такого непродуманного шага. А теперь сама оказалась на грани между миром, где меня любили и ждали, и миром, где я лишилась всех, ради кого просыпалась каждое утро. В голове часто звучал вопрос: почему самоубийство – не выход? Ведь никто не будет плакать, кроме друзей. И давно надо было прекратить все это, однако каждый раз мой выбор падал на призрачное существование и следующую бутылку.

Физически я оставалась в мире, где меня никто не назовет дочкой, невесткой, женой или... мамой – последнее ра-

нило больше всего. Старшее поколение – взрослые люди, успевшие пожить, наделать ошибок и исправить их, пометать и добиться результатов, насладиться главными моментами, определяющими наши действия и мысли, – провожать тяжело. Но инстинктивно мы осознаем хрупкость жизни и готовы отпустить их, поблагодарив за то, что они были в нашей судьбе. С детьми дело обстоит иначе. Боюсь даже вспоминать. Это вязкий омут, из которого можно не вернуться. Если в голову забредали осколки событий, я хватала первый попавшийся предмет и вдавливала в плоть до ощущения боли такой степени, что она перекрывала все остальные импульсы, прогоняя мучительные образы. Руки и ноги все были в синяках, а на одежде часто оставались капли крови, когда перебарщивала с силой. Но я продолжала тянуть лямку жизни.

Много месяцев я не находила ответа, почему, и не хотела думать об этом и в тот день. Но мне было суждено проснуться, выйти из туманной иллюзии и обрести новую цель в жизни.

Шаг первый

Пиная пустую стеклянную тару, мешавшую проходу, я пробиралась на балкон, чтобы повесить подушку сушиться – удавалось ли мне уснуть или нет, она всегда была мокрой от слез. Я прошла мимо календаря и только сейчас заметила, что был открыт февраль – последний месяц, когда я обращала внимание на дату. 2020-й развернулся для меня личным апокалипсисом, и не было смысла считать последующие дни. Я сняла календарь с гвоздика и кинула в середину гостиной, где и так собралась непроходимая куча.

Приближалось время ужина – за окном было вновь темно, – и в ожидании еды мне пришлось разложить мусор по мешкам и расчистить путь к двери. Телефон пикнул о прибытии заказа, я поставила бокал на липкий стол и нетвердой походкой, задевая углы и ножки мебели, направилась по коридору.

Курьер не успел далеко отойти и автоматически поднял руку в приветствии. Когда я ответила ему тем же, его лицо озарилось вежливой улыбкой. Парню был явно приятен маленький знак внимания, а не крики с требованием отойти на три метра и вообще уходить, пока в него чем-нибудь не запустили. Но я знала, что будет дальше, и уставившись ждала расцвета эмоций. Первым промелькнуло удивление – почти незаметным движением глаз вниз-вверх молодой чело-

век окинул взором мои красные глаза, растрепанные волосы и грязную мятую одежду. Он оценивал и делал удручающие выводы, легко читавшиеся в выраженной на лице неприязни и затем жалости. Потеряв к нему интерес, я с пакетом вернулась к столу, залпом осушила бокал и только тогда принялась распаковывать горячую еду.

В заказ забыли положить столовые приборы, что вместо ожидаемого гнева вызвало лишь страх. Только мысль о кухне заставила сердце биться чаще, отрезвляя ум. Было тяжело решиться дойти до гарнитура, где пылился стандартный набор из двадцати четырех предметов, но мне нужно было чем-то закидывать еду в рот. Несколько минут я простояла над ящиком, то протягивая пальцы к ручке, то сжимая их в кулак. Уже не раз я проделывала эту процедуру, пытаясь пробить собственный барьер, но каждый раз останавливалась, потому что не могла дотронуться ни до одного предмета в доме не разрыдавшись. Оставив безнадежную затею, я опустилась в кресло, осознав, что придется есть руками.

Упадок духа чуть не привел меня к месту напротив окна, но спохватившись я быстро пересела, чтобы не разглядывать свое размытое отражение. Теперь же моим визави оказался телевизор, где мелькали люди и достопримечательности, создавая фоновый шум жизни. Иногда он даже заглушал мысли. Я смотрела не потому, что было интересно, а потому что до сих пор не знала, как его выключить. Пульт затерялся где-то среди нагроможденного хлама из вещей и пакетов из до-

ставки, но у меня не было ни сил, ни желания его искать.

К счастью, я очень быстро научилась игнорировать телевизор и не всегда осознавала звуки и картинки, нескончаемым потоком сменявшие друг друга. Можно было потеряться во времени и пространстве, но заботливые ведущие утреннего шоу с большим энтузиазмом напоминали о наступлении очередного дня, месяца, сезона.

Из форточки пахло свежескошенной травой и весенней прохладой распускающегося мая. Солнце садилось, обжигая верхушки многоэтажных зданий рыжим пламенем и ослепляя бликами от зеркальных поверхностей. Еще один день близился к концу, унося с собой всего две бутылки вина и капельку здоровья.

От окна я медленно перевела взгляд на мерцающий экран, в котором знакомое лицо журналиста радостно сообщало о необычных гостях вечернего эфира. И от чего-то: малого количества вина или жирной пищи, – но их слова достигли цели. В связи с выходом нашумевшего фантастического фильма, ведущий ожидали передовых ученых России для обсуждения реальности существования космических тоннелей, по которым можно было путешествовать в параллельные миры.

В голове послышался скрип шестеренок. Заржавевший механизм сдвинулся с места. Мне прежней это было бы безумно интересно, ведь я с детства любила все, что связано с космосом, далекими созвездиями и колонизацией новых планет. Но не по этой причине я перестала жевать, а может

даже, и дышать.

Интуиция быстро бьющимся сердцем подсказывала важность настоящего момента, хотя умом я поняла его намного позже. Случайное или нет, стечение обстоятельств разбудило мой мозг именно в тот день, заставив воспринять человеческую речь и собрать пазл из мелькающих образов в одну большую картину. Я больше не отвлекалась от телевизора, чтобы не пропустить ни звука, и вскоре дождалась того, что пронизывало мое тело тревогой и нетерпением все это время.

В передаче лучшие умы страны анализировали использованные в фильме материалы, выдвигали свои теории и предположения. Но все сходилось во мнении, что если такое открытие и случится, то нескоро, потому что современные технологии пока к этому не готовы.

В конце программы один из зрителей задал вопрос, правда ли, что в параллельной вселенной живут такие же люди, как мы, но в переломный момент линия их жизненного пути могла повернуть в сторону, отличную от нашей? Мужчина привел пример, как в детстве совершаешь глупость, за которую потом отвечаешь всю жизнь, и спросил, есть ли вероятность, что в параллельной вселенной этого не случилось и жизнь сложилась иначе. Я предчувствовала, что нужная мне информация вот-вот прозвучит.

«Или, например, теряешь близкого человека, а в параллельной вселенной они живы...»

Живы...

Живы?

ЖИВЫ!

Уши ловили малейшие вибрации, и все внимание занимал ответ одного из приглашенных ученых.

– Этот вопрос давно занимает человечество. Существует две диаметрально разных позиции, в которых одна сторона считает, что миры как две капли похожи на наш с небольшими отклонениями, а вторая – что они далеки от земной реальности. Квантовая механика каждый год открывает что-то новое, неизведанное, и возможно когда-нибудь мы найдем ответ.

Но я знала ответ.

В сознании всплыло воспоминание, когда изрядно набравшийся друг мужа подсел ко мне на похоронах. Только недавно они на даче все выходные отмечали его очередное звание. Он так гордился тремя полковничьими звездами, что и в траурный момент надел форму. Но подсел он не за тем, чтобы красоваться. Он рассказал, как переманивал Сергея в свой проект, что жалел о потере такого талантливого инженера и был бы рад его участию в секретных военных разработках. Муж действительно говорил о новых возможностях и намекал на космические горизонты, но случилась вторая волна пандемии, и мы не успели поговорить об этом, так что все вопросы я задала Иннокентию.

Он колебался всего несколько секунд и, решив, что мне

некому выдавать государственные секреты, разболтал о готовящемся путешествии в параллельный мир. Помню, как ехидно прокомментировала, что военным больше делать нечего, чем шляться по разным мирам, когда здесь людям нужна защита и помощь, а не мечты о лучших мирах. Конечно, он тогда обиделся и уже вставая из-за стола бросил, что Сергей мог стать самым знаменитым инженером страны, а я вечно его сдерживала и приземляла. За эти слова он получил от меня, и с тех самых пор мы и не виделись. Я нашла телефон и набрала его номер.

– Прости за пощечину, – не здороваясь, сказала я, как только прервались гудки.

– Уверен, я заслужил, – ответил низкий мужской голос. – Честно, мало, что помню с того дня.

– Я тоже, – усмехнулась я. – Слушай, это о вашем проекте все говорят?

– О чем ты?

– О параллельных вселенных.

– А. Ты запомнила.

Повисла долгая пауза. Он догадался, о чем я хотела попросить. А я не могла решиться сказать это вслух. И неожиданно для себя услышала, как произнесла:

– Я должна там быть, Кеша.

– Понимаю, но ничем не могу помочь.

– Не заливай, полковник, – начинала злиться я.

– Ты представляешь, сколько надо мной генералов стоит?

Ты понимаешь, что это за люди? И я такой подойду к ним, мол, возьмите кандидатку.

– Ты полковник или тряпка? – грубила я.

– Знаешь что...

Он недовольно фыркнул в трубку. Я испугалась, что разговор на этом закончится, и выпалила первое, что пришло голову.

– Ты мне должен! Я... Я знаю, что за рулем он с тобой разговаривал! Если бы не ты...

– Аня! – виновато позвал он. В его голосе слышалась боль. – Не смей перекладывать это на меня. Ты прекрасно знаешь Серегу. Он бы никогда не отвлекся, когда в машине мальчишки.

– Я. Должна. Быть. Там, – отчеканила я басом и повесила трубку.

«Я должна быть там», – повторила я себе и пошла в душ, по дороге вылив содержимое бокала в раковину. Остался неприятный осадок от разговора, в моих словах не было правды, но семья того стоила.

Неожиданно нашелся пульт, и с выключением телевизора наступило безмолвие. Тысячи звуков, сотрясавшие воздух много месяцев, наконец, исчезли. Все это время со мной постоянно был кто-то, пусть и незнакомый мне лично, но он не давал мне расклеиться окончательно. Это стало понятно только сейчас. Но вот я осталась одна, и оказалось совсем не страшно, совсем не грустно. Торжественная тишина дарила

надежду, смысл жизни.

Глаза еще не привыкли к полной темноте, и в световых пятнах я вдруг отчетливо увидела их улыбки, в голове зазвучал их смех. Что угодно за то, чтобы увидеть и услышать их вновь. Что. Угодно.

Но первым делом – привести себя в порядок. Смыв всю тяжесть одиночества и очистив кожу от налета выпотевшего алкоголя, я впервые за долгое время увидела себя в зеркале. Волосы сильно отросли, что стало заметно при вычесывании спутанных кудрей – некоторые пришлось даже отрезать, – появились мимические морщины, лицо похудело и обесцветилось. Красные от переутомления глаза, обрамленные желтыми кругами с выступающими синеватыми мешками, резко выделялись на болезненно-бледном ромбе. Однако взгляд зеленых глаз казался хоть и тяжелым, но пронзительным, будто смотрел в душу, а не оценивал внешность, и где-то в его глубине разгорался огонь. Наконец, я чувствовала, что не поглощаю, а источаю энергию, создавая намерение и формируя желание.

Выйдя из ванной, в темноте коридора я без проблем нашла ключи, которые в приступе отчаяния зашвырнула в дальний угол гостиной, открыла запретную комнату, пробралась через гору пыльных картонных коробок и с улыбкой на лице заснула на мягком матрасе под одеялом мужа. К моему удивлению, оно все еще хранило его запах. Я не ждала снов, не боялась воспоминаний, а с нетерпением ждала но-

вого дня.

С утра я заставила себя выползти из дома. Было физически трудно, но настолько же и необходимо. Желание стать частью живого потока, выйти из сумрака собственных мыслей и расстаться с внешним одиночеством растеклось по венам. В холле меня с легким удивлением встретил вахтер, а за ним и швейцар. Их натянутые улыбки были первыми, что я видела за последние полгода. Однако от меня не ускользнуло то, как они оба отшатнулись от меня. Наверное, одной ночи мало, чтобы избавиться от алкогольного душка. В сумке завалялась старая жвачка, и я закинула в рот пару подушечек, чтобы избежать неприятных столкновений.

Солнце щедро обжигало тонкий кожный покров, и только сейчас стало понятно, что я почти пропустила весну. Это время года всегда вдохновляло меня на большие планы и новые идеи. И вот уже лето приветствовало мой тайный замысел, обволакивая остатками сезонного тепла. Удаляясь все дальше от квартиры, я чувствовала, как энергия возвращается в уставшее тело, каждая клеточка заряжалась новой силой. Всматриваясь в прохожих, одетых во все оттенки темных практичных цветов и спешащих по делам, я чувствовала себя особенной в коралловом платье и светло-голубой джинсовой куртке.

Обласканная игривыми лучами, то прячущимися среди листвы высаженных вдоль проспекта деревьев, то неочи-

данно выскакивающими между высоких зданий, я дошла до прежде любимого кафе. В план не входило там завтракать, но дверь была открыта и удерживалась толстой цепью, торчащей из кирпичной стены, а сладковато-пряные запахи манили к стеклянным витринам. Во рту ощущался прилив слюны, и желудок сжался в предвкушении, но образы блюд всколыхнули воспоминания, и ноги отказывались двигаться. Мы часто заглядывали сюда по выходным, потому что дети обожали бельгийские вафли, а я не любила готовить.

Но только я решила уйти, как торопившийся на работу мужчина, пробурчав нечто неприятное, сильно толкнул меня в спину, так что ведомая инерцией я долетела до барной стойки. Глупо улыбнувшись, я заказала завтрак от шефа и повернулась лицом к залу, чтобы выбрать место. Здесь все осталось по-прежнему: деревянные стены, украшенные репродукциями знаменитых пейзажей, мягкие диванчики, обитые зеленым бархатом, квадратные столики, геометрически четко расставленные по залу.

В углу рядом с окном пустовало место, и я поспешила его занять. Было приятно видеть, что меня узнавали, работники кивали и широко улыбались.

– Давненько вас не было. Вы одна? – необдуманно спросил один из официантов, за что получил тычок в спину от проходящей мимо знакомой девушки.

– Не обращайтесь на него внимания, он еще не проснулся, – вступилась она.

Я слегка растянула губы, принимая ее извинения, и перевела взгляд на молодого человека.

– Ничего, – выудила я из себя глухо, так что пришлось откашляться. – Нужно привыкать к этому вопросу.

Девушка сочувственно улыбнулась, и мне показалось, что она знала, но я не представляла откуда. Когда позже она принесла заказ, ее движения были столь неторопливыми, что я догадалась пригласить ее присесть ко мне.

– Как вы узнали? – я воткнула вилку в воздушный омлет с грибами и вкраплениями зеленого шпината и фиолетового базилика, чтобы хоть недолго не видеть ее испытующий взгляд.

– А вы не помните? – ответила она вопросом на вопрос и привычно спрятала за ухо крашенную платиновую прядь, выбившуюся из короткого низко посаженного хвостика.

– Нет. Слишком много воды утекло, – проговорила я, проглотив солоноватую кашу.

– Понимаю, – кивнула она и продолжила. – Вы заказывали у нас еду на поминки.

– Да? – удивилась я. – Это совсем не отложилось в памяти.

– Была моя смена. Когда вы вошли, ваш растерянный вид и заплаканные глаза произвели сильное впечатление. Подойдя к барной стойке, вы почти наугад потыкали пальцем в картинки, и пока я записывала заказ, у вас зазвонил телефон, – она сделала паузу, подавляя эмоции. – Вы ответили тихим голосом, что похороны состоятся завтра в десять утра, и тут

же убрали телефон, не давая собеседнику продолжить разговор. Потом оставили адрес доставки и ушли.

Вилка брякнула, коснувшись края тарелки. Вот уже несколько секунд я ошеломленно смотрела на рассказчицу.

– Все эти месяцы я ждала вас, чтобы сказать, что... покой придет.

Эмоции подступали к горлу, хоть слез там уже не было, настолько меня тронуло, что незнакомый человек принял мою трагедию близко к сердцу. Более того, она не отчеканила штампы, вроде «время залечит раны» или «нужно смотреть вперед», а искренне пожелала мне мира в душе.

С незнакомкой согласились трясущиеся от нервов руки, тяжело бьющееся сердце, да и голове просто хотелось тишины. Я улыбнулась, хотя в голосе прозвучала горечь, когда я ответила:

– Покой нам только снится.

Официантку позвали, и она сорвалась с места. Только сейчас я обратила внимание на бейджик с именем. Ольга. Возможно, это говорило о одиночестве, но мне захотелось подружиться с ней. Она отзывчивая и добрая. Мысли о нашей дружбе заставили меня впервые подумать о будущем, об общении с живым человеком, и это не вызывало неприязни или отвращения. Зато навеяло грусть, ведь вряд ли кто-то в здравом уме предложит дружить с тяжелым человеком, коим я себя считала.

– Может повторить? – отвлекла меня Ольга, и я посмот-

рела на пустую тарелку. В животе было тяжело, но разливавшееся тепло по телу говорило о сытости.

– Не стоит, а то плохо будет. Я лучше завтра приду.

Девушка заговорщически наклонилась вперед и, подливая кипяток в чайник с жасминовым чаем с нотками мяты и апельсиновых корок, шепнула.

– Я обещала себе, что как только вновь вас встречу, уволюсь отсюда. Теперь пора двигаться дальше.

Я кивнула в знак одобрения, но мне было стыдно, что ей пришлось ждать так долго, пока я подслащала свою потерю соком забродивших слив. Она протянула мне сложенную записку.

– Это мой телефон. Если вам что-нибудь понадобится, звоните в любое время.

– Тогда давай на ты, – выпалила я, выхватив клочок бумаги. – Я – Аня.

– Оля, – представилась она подмигнув и скрылась за стойкой, войдя на кухню. Вскоре из-за дверей послышался громкий эмоциональный разговор, а когда затих, Оля вернулась в зал довольная собой. Поймав ее взгляд, я высоко подняла чашку и выпила остатки бледной жидкости до дна.

Дорога домой прошла незаметно. Трудно было сосредоточиться на внешних действиях, когда внутри рождалась сверхновая звезда, зовущая в параллельные миры. Я перебирала пальцами воздух, собирая свободную энергию в кулак, чтобы поглотить ее и восстановить разбитые клетки. Я

вытянула в стороны ладони, лаская заботливо подстриженные кусты, чтобы почувствовать, что жизнь продолжается и после пандемии можно снять маски. Я ускоряла шаг, готовая к сопротивлению ветра, но встречала лишь чужие плечи и хмурые лица, не пережившие амплитуды моего пути и поэтому не представлявшие, что одинокие тычки, которых я избегала, элегантно лавируя между людьми, не причинят мне даже малейшего неудобства. Новый этап приносил мне все больше положительных эмоций, которых так не хватало, и я медленно смаковала каждый момент.

Прежде чем сломя голову лететь в исследовательский институт, нужно было привести в порядок дела. Но когда я вошла в квартиру, в нос ударил насыщенный букет фруктового алкоголя. Во рту потекли слюнки, и глаза заметались в поисках стеклянного сосуда. Взяв себя в руки, я опустила веки, чтобы сдержаться, и пошла на запах, неуклюже размахивая руками и натываясь на мебель. Услышав знакомый звон, после которого воздух наполнился смешанными ароматами алкогольных паров и начинающегося разложения, я посмотрела под ноги. Источником смрада оказался мусорный мешок, доверху наполненный пустыми бутылками и остатками еды.

Когда все окна оказались открытыми, я потащила тяжелую гремящую ношу к выходу. К тому времени, как мне это удалось – не без помощи проходивших мимо соседей – воздух очистился, насытившись отголосками весенних дней и нотками подступающего лета. Все способствовало тому,

чтобы приступить к работе, но оглянувшись вокруг, я почти позволила рукам опуститься: пыль, грязь и воспоминания неммым упреком ожидали моих прикосновений.

Трудно было только начать: переодеться, найти чистящие средства, выбрать отправную точку. Но как только губка оказалась в руках, дело пошло быстро. Я двигала мебель и поднимала лишние вещи с пола, чтобы мой круглый электронный помощник мыл паркет и плитку. Комнатами мальчиков и нашей спальней я занялась после обеда.

Аудиокниги помогли абстрагироваться от реальности и сосредоточиться на вымышленных героях и судьбах. Лишь благодаря таланту писателя и рассказчика, я смогла отвлечься от дурных мыслей, перебрать и опустошить все шкафы. Вещи легли аккуратными стопочками в гостиной, заняв диван и стол, после чего я вызвала «Вещфонд», специальную службу, помогавшую родственникам умерших избавляться от ненужного имущества. Они приезжали быстро, забирали все, распределяли, куда нужно, и при этом сэкономили самое важное – нервы. Вместе с мужскими вещами я частично отдала и свой гардероб, расставшись с нарядами, которые так любил муж. Туда же пошли костюмы блузы, юбки, несколько курток и два выходных пальто. На полках осталась лишь практичная одежда, удобная обувь и несколько самых красивых платьев, отложенных для подруг.

Теперь в безлюдном доме гуляло эхо, скрипы половиц отражались от стен и окон; в опустевших комнатах не осталось

ничего личного, чтобы напомидало о бывших обитателях, голые стены с еле заметными более светлыми пятнами от висевших фотографий счастливой семьи и детских рисунков потеряли свое лицо. Вся наша жизнь оказалась выброшена или запечатана в коробки. Квартира утратила прежний уют, и я решила ее продать.

Весь следующий день прошел в поисках агентства недвижимости. Не знаю, повезло мне или так бывает всегда, но получилось сразу договориться о встрече. Девушка собиралась в мой район и согласилась заскочить и ко мне. Луиза, как представилась агент, была приятно удивлена состоянием квартиры и крайне заинтригована причиной продажи. Однако это знание не принесло ей удовольствия. Она ошарашено попятилась и села на диван, а потом попросила чаю. Уходя она уточнила некоторые моменты, отметила что-то в ежедневнике и, получив запасной ключ и разрешение приходить в любое время, заверила, что покупатели найдутся быстро.

Меня потянуло на балкон подышать воздухом. Вечерело. Закатное солнце уже скрылось за горизонтом, и скоро стало совсем темно. Я думала о том, что скоро сброшу гору с плеч и взмою ввысь как воздушный шарик. Ветер трепал волосы, и казалось, тело не имеет границ. Было славно хоть на время раствориться в чем-то, что мне не принадлежало.

Загорелся экран телефона и отвлек меня от мыслей. Я надеялась, что это сообщение от полковника, но пришло всего лишь сервисное уведомление – красный треугольник с вос-

клицательным знаком о чем-то предупреждал. Память была почти заполнена, потому что я особо не пользовалась телефоном в последнее время. На значках социальных сетей стояли буквы N, чтобы не показывать тысячи непрочитанных сообщений. Сейчас, когда у меня появился внутренний стержень, настало время их прочесть. Удобно устроившись в кресле и укрывшись пледом, я тыкнула в первое попавшееся приложение.

Чтение заняло всю ночь. Кто-то остановился на вопросе «Как дела?», а кто-то настойчиво писал раз в неделю. Журнал вызовов был красным от пропущенных звонков. Перезванивать было бессмысленно, поэтому я просто его очистила. А потом стала отвечать, сначала сухо констатируя факты, потом все больше давая волю чувствам. К утру стало совсем холодно, и пришлось вернуться в комнату. Когда все письма были прочитаны, я отключила звук и интернет, потому что больше не хотела общаться, и тут же уснула.

Балкон стал единственным местом моего времяпрепровождения. Отсюда я наблюдала, как внизу бурлила суетливая городская жизнь. Темнота, подсвеченная тысячами далеких огоньков, приводила с собой умиротворение. С высоты двадцать пятого этажа людей было не видно, но я представляла, как они шли компаниями, громко разговаривая и весело смеясь.

Роскошный вид манил, чтобы празднично шататься по темным улицам. Впервые за долгое время мне хотелось позво-

нить друзьям, рассказать, что Земля вновь крутится, ядро вновь полно горячей энергии, а я готова вырваться из своей маленькой, но крепкой скорлупки.

Из размышлений меня вырвал звонок в дверь. Это было так неожиданно, что я не сразу отреагировала на произошедшее. Мне понадобилось услышать второй звонок, чтобы прийти в себя. Уняв воображение, выдумывавшее невероятные сюжеты, я подошла к двери и сразу ее открыла, не вспомнив об осторожности и не взглянув предварительно в глазок. Но это пришлось кстати, потому что на пороге меня ждал сюрприз в виде лучших друзей.

– Переодевайся! Мы идем гулять! – заявили они, по очереди крепко обнимая меня, и шквал восторженных криков наполнил коридор и прихожую.

Накинув одно из оставшихся платьев, я успела схватить сумочку, и шумная компания унесла меня в мир еды и гулких разговоров. Это было волшебное погружение в дни наших прошлых приключений. Я видела, как они радовались, видя перед собой адекватную меня, легкую на подъем и громкую на смех, и ни разу не заметила сочувственного взгляда или неловкого движения взять меня за руку и пожалеть. Потому что так поступают лучшие друзья.

Я смотрела на них и умилялась, насколько они всегда попадали в цель. Вот и сегодня в тот самый момент, когда мне захотелось компании, они будто прочитали мысли и приехали, хотя судьба раскидала нас по разным уголкам города.

Насмеявшись вдоволь до боли в щеках и животе, мы попросили счет, и я заговорила. Мои слова вылетали легко и непринужденно, и я быстро и кратко описала мои дальнейшие планы. Конечно, они были серьезно огорошены, но как всегда нашли, что ответить.

– Это как один из твоих фантастических снов, – улыбнулась Ева.

– Точно, как по Кингу, – поддержала Геля.

– А куда ехать? А что ты там делать будешь? А что там с тобой будут делать? – вопросы сыпались один за другим, и оказалось, что у меня нет ответов даже на самые простые из них, ведь я мало что продумала перед отъездом.

– Доверьтесь мне, я чувствую, что должна это сделать.

– Но ты продаешь квартиру, не оставляя ничего себе, – не унималась Злата, не пряча беспокойство.

– Я все оставляю себе. Деньги положу в банк на хранение, а квартира слишком большая для меня одной. На данном этапе я хочу перестать бояться вспоминать о них и заглянуть за грань другого мира. А если не повезет, все равно придется начинать заново. Но не с этими вещами и не в этом месте.

– И то верно. Но как-то страшновато. Так сразу в омут с головой, – аккуратно вставила Леся.

– Мне тоже. Но у меня нет выбора, я должна идти вперед, – настаивала я.

– Ты уверена, что хочешь попробовать именно этот вари-

ант? – поинтересовалась Мила.

– Да. Я долго топталась на месте, но теперь у меня есть цель. Если все получится, то я обрету счастье, если нет – опыт. В любом случае я должна рискнуть. И внутренний голос подсказывает, что я иду в верном направлении.

– Ты как всегда влезает в чуждую тебе сферу со свойственным тебе энтузиазмом. Где ты только находишь все это? – спросила Злата, и девчонки засмеялись.

– Они находят меня, – ответила я улыбаясь.

– Это даже не представить – путешествия по параллельным мирам, – восхищенно произнесла Леся.

– Я расскажу вам все, если не заставят подписать соглашение о неразглашении. Уверена, что у них там есть свои секреты, – подмигнула я.

– На пять лет потом запрут тебя без выезда за границу, вот и будешь отпуск на Финском заливе проводить, – съязвила Ева.

– Если я увижу космос в его полноте, то я готова даже из города не выезжать. Кстати, всегда мечтала побывать на Байкале и посмотреть вулканы на Камчатке.

– Нас возьми, я там тоже не была, – подхватила Геля.

– Давайте так и сделаем, – предложила я. – Если все сложится, то я всех везу на Камчатку смотреть вулканы и кушать морепродукты. А если не получится... – я пожала плечами, не зная, как закончить фразу.

– Тогда мы тебя отвезем! – весело заявила Злата, вызывая

очередную волну смеха нашей компании.

– Договорились, – я направила на нее указательный палец.

– Я пока присмотрю самые уютные гостиницы и живописные маршруты для нас, – поддержала Ева.

– Вот это я понимаю разговор. А то «куда?» «зачем?».

Первый человек уже перешел на мою сторону, – хихикнула я.

– Мы все на твоей стороне, но это так внезапно и так скоро, что нам трудно просто взять и отпустить тебя в неизвестность, – защищалась Мила.

– Со мной все будет хорошо. Я постараюсь держать с вами связь.

– Да, звони, пиши. Мы будем ждать, – закивала Леся.

– И скучать, – дополнила Геля.

– Спасибо вам, девчонки. Теперь я точно готова.

Мы все силились улыбнуться, но понимали, что расстанемся на долгий период. Это был переломный момент жизни, когда нужно была оставить их ненадолго и окунуться в незнакомый и пугающий мир науки, ведущий к запретным мечтам. Даже под давлением любящих подруг я не смогла отказаться от шанса, выпадающего раз в эпоху. Я должна была попробовать совершить, что в английском языке называется, «прыжок веры». И предпочла прыжок бездействию.

– До встречи на Камчатке! – сказала я и села в такси.

В последний вечер я опять стояла на балконе. Насыщенный городской воздух наполнял легкие, шум не мог под-

няться так высоко, но я слышала его через воспоминания. Сегодня выдался теплый денек, и ветер все еще разносил неостывшие потоки воздуха, так что плед прятался в плетеной корзине в углу. Я не представляла, что будет дальше, но знала, что больше не вернусь сюда. Луиза действительно быстро нашла покупателя, и мы закрыли сделку. Больше меня ничего не держало. Сумка, заполненная самыми нужными вещами, поедет со мной в институт, остальное мне теперь не принадлежит. За два месяца от Иннокентия так и не поступило вестей, он не отвечал на звонки и сообщения, и я решила ехать к нему сама, поставить перед фактом, умолять, а если надо, даже угрожать, опять.

Девчонки заставили меня поразмыслить и ответить себе на главные вопросы. Я была готова идти до конца, и это все, что мне нужно было знать. Разве в детстве мы анализируем или логически выстраиваем свои действия? Нет. И все же, мы добиваемся своего, мы идем к своей цели, мы стремимся в светлое будущее. Мы доверяем своему сердцу, интуитивно подсказывающему следующий шаг. И пусть нам суждено делать ошибки, но мы всегда возвращаемся на истинный путь. Всегда. Или исчезаем бесследно.

Вот и мне казалось, что если бы я осталась, просто растворилась бы. И никто этого не заметил бы. Друзья продолжали бы жить без меня, и вскоре для них я стала бы лишь блеклым лицом на старой фотографии. Как хотелось, чтобы они помнили мое сияние, а не постепенное неизбежное за-

тухание и свое разочарование. Уверена, что покинув их сейчас, я бы как свет далеких звезд была вечным напоминанием о существовании счастья в параллельных вселенных. И может даже заслужила бы собственную городскую легенду или упоминание в путеводителе, оставшись в народном творчестве как человек, не побоявшийся сделать шаг за черту.

И я стояла на балконе и думала: Луна там такая же большая и желтая? Море такое же синее? Облака такие же белые? Если задуматься, сколько всего в жизни могло пойти по-другому. Выбрать другую школу, влюбиться в другого парня, поступить в другой университет, поехать в другую страну или просто выбрать другую сторону улицы. Это так просто: пройти мимо, не заметить, – и все, абсолютно все, пойдет не так, как я это прожила. Что меня ждало за гранью миров? Придется ли смущаться при незнакомых мне друзьях? Какими вырастила детей параллельная я? И куда деваться ей, когда появлюсь я?

И тут я остановилась. Этот вопрос возник спонтанно, но когда я достигну другого мира, у меня должен быть ответ. Если моя семья будет счастлива с параллельной мной, как же тогда поступить мне: разбить семью или тихо радоваться в стороне?..

Пройти столько, чтобы радоваться в стороне?! Вдруг голова превратилась в огромный барабан, на котором отбивался ритм биения сердца. Пальцы вцепились в тонкие поручни, тянущиеся вдоль окон на уровне талии. Капли пота защекотали

тали кожу, но деревянные мышцы не позволяли двигаться.

– О, нет, – вырвалось у меня.

Страх, подкравшийся вместе с ответами, вызвал паническую атаку. Меня уже учили с ней справляться, поэтому я тут же среагировала, начав контролировать тело и все его процессы. Из всех дыхательных практик мне лучше всего помогали медленные вдохи и выдохи на пять счетов. Я закрыла глаза и сконцентрировалась на цифрах, преодолевая мнимое чувство нехватки воздуха. Регулируя дыхание, вскоре смогла справиться с учащением пульса. Страх отступал, снизилось потоотделение, и наконец можно было отпустить контроль и расслабиться. Я сделала несколько шагов назад, и обмякла в кресло, сразу накинувшись на кружку с чаем и плитку шоколада. Тут же оказалась креманка с солеными орешками, также опустевшая через мгновение. Сахар, соль и жидкость подействовали в короткий срок, и я смогла с остановками переместиться в спальню.

Но опускать веки было страшно: теперь все трое стояли перед глазами. Я почти физически чувствовала их присутствие. Только бы не вспомнить наши прогулки по паркам, детские садины, отпуска на бегу, безумные семейные праздники. Только бы не вспомнить первые цветы от мальчишек, самодельные открытки, смешные поделки и слова «мам, ты красивая». Только бы не вспомнить последние объятия перед отъездом, неловкие поцелуи и ласковое потрепывание волос. «Только не сейчас», – подумала я и погрузилась во

тьму.

Возвращение к человеческому режиму сна и питания положительно сказывалось на самочувствии. После продолжительного ночного отдыха, после которого я все равно проснулась разбитой, первым делом поплелась в душ. Там, заглянув в зеркало, заметила, что кожа обрела нормальный оттенок, синяки исчезли, не оставив следа, даже морщины на лице значительно разгладились, вернув мне молодые годы, побледнели круги под глазами, а во взгляде можно было рассмотреть разгорающуюся искру. В таком виде было не стыдно и в космос полететь.

Однако любое движение давалось с трудом. Приходилось заставлять себя и делать через силу. Я должна была двигаться вперед, даже когда страх практически парализовал тело. Зная, что могу пойти в другой день, например, завтра, но чувствуя, что с каждым днем будет только тягостнее, с каждой секундой в этом доме мне будет сложнее отвернуться от прошлого и посмотреть в будущее.

Запасные ключи повисли на крючке вешалки, а у двери легла небольшая спортивная сумка. Еще один шаг и я в последний раз переступлю через порог нашего дома. Я настраивала себя все утро, но мне до сих пор было тяжело открыть дверь. Я ругала себя, потому что риелтор уже давно ждала меня внизу. Ждала, но не настаивала. Луиза явно боялась меня – это было видно по глазам и натянутой улыб-

ке. Оформляя документы, она столкнулась с пачкой свидетельств о смерти и, видимо, ожидала от меня неадекватного поведения, перемены настроения, боялась, что я передумаю продавать квартиру, расплачусь или устрою истерику. Она была опытным профессионалом, за что я ее и выбрала, но в жизни она понимала намного меньше, и такие как я ее пугали. Люди, прошедшие огонь, воду и медные трубы и почему-то все еще стоящие на ногах, да еще продают последнюю недвижимость, не могут быть вменяемыми. Это явно читалось на ее лице каждый раз, когда она смотрела на меня.

Но я не гордилась собой в тот момент, а искренне радовалась, что некоторым повезло с судьбой. Эти мысли вызвали у меня улыбку, напряжение немного спало, и я сделала заветный последний шаг. Заперев квартиру, я прислонила ладонь к двери и мысленно простилась с каждым уголком каждой комнаты, попрощалась со всеми воспоминаниями, созданными в этом доме, потому что ничего из этого я не брала с собой в новую жизнь.

– Прощай, уютное семейное гнездышко. Принеси счастье следующим обитателям, – беззвучно прошептала я.

– Переезжаете? – оторвал меня от ритуала сосед.

Я кивнула. Ладонь соскользнула с двери и плавно взялась за ручку спортивной сумки.

– Удачи на новом месте!

– Спасибо, – вымученно ответила я.

Отвлечшись, я почувствовала, что внутри что-то оборва-

лось, и воспользовалась моментом, чтобы скорее покинуть это место. В сумке лежали документы, гаджеты, немного одежды и все, что может понадобится на первое время. С легким багажом я спустилась вниз, где в вестибюле с улыбкой и явным облегчением встретила меня риелтор. Она старалась не произносить лишних слов, чтобы не вызвать приступа бурных эмоций. Мы заранее обо всем договорились, поэтому она ждала только ключи. Как только заветная связка оказалась у нее в руках, она широко улыбнулась и сказала:

– Сегодня же сообщу покупателям, что вы освободили жилплощадь.

– Спасибо вам. С вашей легкой руки у меня квартира с плеч свалилась, – пошутила я.

Рассмеявшись она развернулась и уверенно, даже торжественно, пошла к выходу. Я проводила ее взглядом, вылавливая из общего шума звон брелока. Моего брелока. Это последняя вещь, связывающая меня с прошлым. Мне хотелось броситься за ней, отобрать дорогую сердцу безделушку, чтобы помнить все: любовь, радость, боль. Я хочу помнить эту боль. Но я не успела и дернуться, как Луиза уже подошла к стеклянным дверям, ведущим на улицу. Она заметила брелок, возможно, он бряцал слишком громко или неприятно бил по пальцам. Вдруг как в замедленной съемке она остановилась, аккуратно освободила кольцо из общей связки и выбросила его в мусорное ведро. Вот так просто и грубо мое прошлое полетело в тартарары. Это должно было меня за-

деть, но вместо этого ощутила, как тело сотрясалось от смеха. Так выходил страх, он больше не сковывал движения и не путал мысли. Я была свободна. Я шла к ним в параллельный мир.

Шаг второй

Институт находился в моем городе, в стороне от центра деловой суеты и многочисленных туристов. От переполнявших меня смешанных чувств я решила прогуляться и подготовить речь. Даже понимая, что путь предстоял неблизкий, я не могла заставить себя сесть в транспорт. Ноги сами вели в нужном направлении, выбирая повороты и обходные пути. На удивление в дороге мне попадались только зеленые светофоры, так что не приходилось снижать скорость и сбивать мерность шагов.

Сосредоточившись на мыслях, иногда заставляющих сжимать кулаки и стискивать зубы, я подбирала слова, сильные, убедительные, чтобы уговорить Иннокентия и, если понадобится, его начальство. Не гнушалась я и взяткой – мне было не жалко раздать все имеющиеся у меня деньги. Я шла ва-банк.

Однако на последнем перекрестке при виде огромной очереди перед входом мне пришла в голову новая идея. Будучи уверенной, что люди стояли туда, куда нужно было и мне, я просто встала в конец. Интуиция подсказывала довериться чувству и положиться на друга. В сердце поселилась надежда, что можно будет попасть в программу, не поднимая лишнего шума. Но судя по количеству желающих, за это придется постоять.

Какофония городских звуков ударила по ушам: гудки автомобилей, скрип колес, топот ног, дребезжание стекол, песни уличных музыкантов и отдаленные крики с предостережениями о пагубном вмешательстве в космический порядок – куда же без городских сумасшедших? Движение не останавливалось ни на секунду, и мне стало немного грустно от того, насколько жизнь одного человека перестала иметь вес. И все эти люди, стоящие впереди и подходящие сзади, станут лишь маленьким винтиком в огромной машине науки. Мало кто из них дойдет до конца, единицы полетят в параллельные миры, но сколько же счастья сейчас в их глазах, как весело они переговариваются в ожидании необычного приключения.

Порыв ветра налетел так неожиданно, что я не успела среагировать и наглоталась дорожной пыли. Стало зябко – погода не баловала в этот последний день лета, – а я была в одном спортивном костюме. Вдобавок, очередь двигалась небыстро. Когда мы наконец достигли ступенек, я сообщила соседям, что поднимусь по ступеням, чтобы размять ноги, и мы встретимся с ними уже наверху.

Здание института возвышалось над городом несколькими десятками этажей, как и многие другие постройки современности, однако парадный вход остался неизменным с девятнадцатого века. Отреставрированный фасад кичился солидностью и фундаментальностью, колонны из зеленого мрамора возвышались на два этажа, поддерживая искусными изва-

ниями атлантов треугольный фронтон. Чем ближе я подходила, тем лучше могла рассмотреть рисунок барельефа. Ученые и первооткрыватели, начиная с Древней Греции и заканчивая нобелевскими лауреатами двадцать первого века, в знаменитой позе или с характерным символом были вырезаны в камне в верхней части плиты, оставив место для будущих исторически значимых личностей. От изображения великих умов меня отвлекли блестящие на солнце буквы на латинском «Primum invenire responsum». Найти ответ первыми.

Девиз института позвал за собой, и я начала восхождение на тридцать четыре магических ступеньки вверх к главному входу. Казалось, что таким образом я отдавала дань нескольким векам неостанавливающихся исследований во всех областях науки, салютуя ученым, работавшим день и ночь, чтобы открыть тайны вселенной и сделать нашу жизнь более осмысленной, логичной и эмпиричной. Было приятно подниматься по красно-коричневым мраморным ступенькам, хотя в ногах начинало чувствоваться непривычное напряжение. В век высоких технологий нечасто приходилось осиливать несколько лестничных пролетов сразу, но хотелось выказать должное уважение величию старинного института и его истории.

Восстановившись за последние недели, я полагала, что легко одолею подъем, однако явно переоценила свои физические данные. В тимпане голова закружилась и в висках

сильно застучало. Мне пришлось искать точку опоры, чтобы перевести дух, но не успев дойти до ближайшей колонны, я столкнулась с плечом высокого мужчины. Схватившись обеими руками за голову, круговыми движениями успокаивала пульсирующую шишку. Когда боль немного отпустила, я попыталась рассмотреть обидчика.

От удара все плыло перед глазами, не давая возможности сосредоточиться на лице и речи торопившегося мужчины. Мне удалось рассмотреть только темные кудри и пронизывающий холодный взгляд. Пришлось поспешно извиниться, чтобы скорее отделаться от неприятного прохожего, но он стал напирать и грубить. Его голос заполнял уши, вымещая городской шум. По отдельности слова приобретали смысл, но я не могла соединить их в общее повествование. Мне показалось, что он даже не со мной говорил. Он обращался на ты и сыпал обвинениями, будто давно меня знал, но при этом не называл моего имени. Это настораживало, и я отступила на шаг, а мужская фигура продолжила метаться рядом со мной. Он махал руками и все еще что-то кричал. Не выдержав, я тихо попросила: «Просто идите». Видимо, это было произнесено достаточно убедительно, потому что раздражающее мельтешение исчезло.

Я закрыла глаза и прикрыла их руками, чтобы прийти в себя. В возникшей темноте сердце потихоньку успокаивалось, и пульс приходил в норму. Я решила поднять веки, голова вновь закружилась, и меня повело. Чтобы удержаться на ме-

сте, я занесла ногу назад, но не найдя опоры, потеряла равновесие. Не успев испугаться, почувствовала, как кто-то подтолкнул меня вперед. Сильные мужские руки так напомнили прикосновения мужа, что я застыла, боясь оглянуться.

– Вы в порядке? – чужой голос принес облегчение.

Выдохнув, я повернулась к мужчине и с улыбкой заверила его, что твердо стою на ногах. Волосы соломенного цвета прикрывали уши и были необычно длинные для нашего времени, когда многие предпочитали короткие прически с выбритыми висками. Он превосходил меня в росте на целую голову, но по возрасту ему было примерно столько же, около тридцати пяти. Зато взгляд его рассказывал о многом: я смотрела в зеркало. И пусть я не знала, как, но я точно знала, что у него случилось.

Удовлетворенно кивнув, он еще секунду что-то сосредоточено искал в моих глазах, а потом скорым шагом направился к входу. В это время на верхних ступенях показались знакомые лица, и я вернулась в очередь.

Вторая створка двери была закрыта, позволяя проходить только по одному. Стоящий здесь же охранник предупреждал об обязательном сканировании для считывания данных, внесенных в общегосударственную систему контроля населения. После пандемии снесли почти все комитеты, полностью перестроив госструктуру. СКН содержала все основные документы о жизни человека: от свидетельства о рождении до свидетельства о смерти. Встроенное в арку устрой-

ство пробежало тонкой фиолетовой полоской перешагивающих через порог, ослепляя на долю секунды. После сканирования все попадали во внушительный холл.

Под небольшим куполом, расписанным в стиле барокко, преграждая путь к парадной лестнице, стояли больше десятка широких столов. Молодые люди и девушки в белых халатах – интерны или младшие научные сотрудники – с приветливыми лицами общались с кандидатами в программу. Здесь же выдавались анкеты для самостоятельного заполнения.

Принтер, стоявший на краю журнального столика, тихо скрипел, получая сигнал о новоприбывшем кандидате, захватывал чистый лист и, быстро нанося лазером черную краску, печатал стандартный опросник. На моих листах уже была фотография, штрих-код в правом верхнем углу, но больше всего удивила печать «одобрено» на последней странице. Сомнения заставили меня заглянуть в анкеты соседей. Это выглядело подозрительно, и люди недовольно отворачивались, иногда грубо отзываясь на мой счет. И все же, поиски печати не увенчались успехом.

В анкете были собраны типовые вопросы: рост, вес, возраст, социальный статус. Некоторые графы были уже заполнены имеющимися данными из базы, остальные пришлось вписывать собственноручно. Я коротала долгое ожидание и медленнодвигающуюся очередь, ставя прочерки напротив движимого и недвижимого имущества, раздумывая над ответами на задания с подвохом и психологической оценкой.

И наконец дошла до последнего вопроса.

«Причина участия».

Они считают с документов имя и прописку. Они измеряют все параметры тысячу раз за время исследования. Они ознакомятся с медицинской картой и другими документами. Но сейчас им важен только один ответ.

Причина.

И я написала ее. Я старалась аккуратно выводить буквы и подбирать слова, чтобы не чиркать, ведь эта бумага пойдет в архив и станет частью истории. Она проживет намного дольше меня, о ней будут тщательно заботиться, как ухаживают за редким цветком в галерее. Ее будут содержать и охранять несколько специально обученных систем по обеспечению определенной температуры и влаги в помещении. И именно она сбережет единственное доказательство моего существования: несколько строк, написанных от руки.

Причина.

Я хочу увидеть их еще раз.

Вот моя причина.

Когда подошла очередь, мужской голос громко назвал мое имя. На табло сверху высветилась фамилия, инициалы и номер стола, к которому следовало подойти. Только сейчас я заметила над каждым человеком в халате голограмму цифры – институт использовал технологии уже в мелочах. Я приблизилась и села напротив.

Без лишних слов я отдала ручку и бумагу молодому чело-

веку. Не удостоив меня даже мимолетным взглядом, он бежал глазами по закорючкам. Как ни старалась, буквы получились неуверенными, потому что рука отвыкла писать. Но я не смотрела на анкету, а наблюдала за реакцией, ловила малейшие колебания эмоций в глазах ученого. Они не могли скрыть правды. От меня не укрылось его изумление, хотя он успел сдержать мимику лица и не округлить сильно глаза, его выдали расширившиеся зрачки. После прочтения он целую секунду смотрел на меня, и я поняла, что я – тот, кто им нужен: мне нечего терять, у меня ничего не осталось, и меня не сбить с пути. Все остальное дело вре... техники. Дело техники, не более того. Время не имело значения.

Однако овладев собой, принимающий сменил удивление на сомнение.

– Где вы поставили печать? – раздраженно спросил он.

– Нигде. Так распечаталось, – растеряно объяснила я.

– Не может такого быть, – с растущим недоверием говорил он. – Минутку, – бросил он, вставая из-за стола.

Меня бросило в дрожь, потому что это прозвучало угрожающе. Я вдруг осознала, что не оставила себе отходного пути, не предусмотрела возможность отказа. И малейший сбой в системе может пресечь участие в эксперименте. Тогда что? Устраивать скандал? Требовать Иннокентия? Прорываться с боем?

Я проследила перемещения моего визави. Он подошел к посту охраны в дальнем правом углу и протянул страницу со

штрих-кодом к сканеру, а затем заглянул в экран компьютера. Обменявшись несколькими фразами и ухмылками с сотрудниками, он вернулся к столу и снисходительно попросил следовать за ним. Я помедлила, ведь за несколько часов, что я здесь пребывала, это происходило впервые. Остальным копия анкеты выдавалась на руки с просьбой пройти в левый коридор, где они и исчезали. Я могла только предположить, что их отправляли в комнату ожидания.

Молодой человек провел меня через пропускной пункт, где серьезный охранник выдал мне пропуск посетителя. Я повесила его на шею, чтобы освободить нервно потеющие руки. Получение этой карточки вызвало не радость, а облегчение, будто за маской уверенности я все-таки сомневалась, что попаду в программу.

Мы шли по длинному полутемному коридору мимо дверей с разными надписями, которые я не успевала разобрать, поспевая за широкими мужскими шагами. Наконец, мы подошли к месту, где коридор расширился и стал заметно светлее. Одна из стен от пола до потолка была стеклянной. За ней спрятался внутренний садик, утопающий в зелени и разноцветье. Скорее всего, комната отдыха. Такие часто можно было встретить в бизнес-центрах или больницах. Мой проводник отделился на приличное расстояние, и я нехотя отвела взгляд.

Какое-то время мы шли вдоль пустой стены. Здесь не было ни картин, ни дверей, ни окон. Мне пришло в голову, что

за стеной может быть огромное помещение. И вскоре оказалось, что я была права.

Впереди появился ряд стульев вдоль стены, доносились приглушенные разговоры. Мы прошли мимо двух кабинетов, возле каждого из них стояла очередь. В одной – только женщины, в другой – только мужчины. Когда мы лавировали между ними, дверь приоткрылась, и слепящий свет вырвался наружу. Глаза быстро привыкли, и можно было рассмотреть помещение с высокими потолками и бесконечным количеством разных аппаратов, вокруг которых постоянно кто-то бегал, внося показатели приборов в таблички.

Ученый повел меня дальше, вызывая новую волну сомнений. Неожиданно мы уперлись в тупик. Точнее, так показалось сначала. После кабинетов мы еще какое-то время шли по пустому коридору, и я даже перестала смотреть вперед, начав изучать интерна. Он выглядел не намного моложе меня, хотя по ощущению тридцати ему еще не было, казался умным и внимательным к деталям и, возможно, был необычайным.

Он остановился так внезапно, что я чуть не врезалась в его спину.

Шаг в сторону, и я увидела плазменный барьер. Как стена дождя он заполнял все пространство коридора. По цвету он сливался со смежными предметами, не позволяя свету проникать сквозь себя. Мне приходилось слышать о таких, но эта технология была доступна только самым богатым

корпорациям. Защита такого уровня внушала благоговение и немного тревоги. Что могло ждать меня на той стороне, что требовало таких сложных технологий?

Пока я размышляла, молодой человек надел очки и медленно приложил руку к барьеру, который спустя мгновение засветился зеленым и стал прозрачным. Раздался щелчок, будто сработал выключатель, и нас оглушила тишина. Ничуть не удивившись, ученый нетерпеливым движением пригласил меня внутрь. Я сделала несколько неуверенных шагов вперед и обернулась посмотреть на своего провожатого. Мне хотелось поделиться радостью, что я справилась и переместилась в тайную лабораторию. А он продолжал стоять на месте, провожая меня холодным взглядом.

– Вы не пойдете со мной? – неожиданно для себя спросила я.

– Нет, дальше вами займутся другие, – сказал он, протянув анкету милой девушке, оказавшейся сбоку от меня. – Удачи! – И не дождавшись моего ответа, развернулся и такими же быстрыми шагами быстро удалялся.

Щелчок, и экран вновь заработал. В воздухе послышалось давящее жужжание, и образ молодого человека размылся. На этой стороне барьера меня уже ждали, но кто именно, было сюрпризом.

Виновато смотрел на меня Иннокентий, одетый по форме. Он держался начальником, но глаза его выдавали: он боялся моей реакции. Возможно, он ожидал взрыва или того, что я

брошусь на него с кулаками. Но внутри осталась лишь усталость и пустота, которую я пришла сюда заполнить. А к другу у меня была безмерная благодарность, так что я подошла и обняла его.

– Спасибо.

Он неуклюже похлопал меня по спине.

– Дальше ты сама по себе. Спуску тебе не дадут. Уже прознали, что я приложил к этому руку, так что не обижайся, если встретишь сопротивление.

– Принято.

– Удачи.

– Прости, что обвинила. Конечно, ты не виноват.

Он кивнул, поджав губы, и удалился, оставив меня наедине с медкомиссией.

На душе стало немного легче, когда я поняла, что меня не собирались отпускать, не будут томить с результатами отбора, и мне не придется с нетерпением ждать звонка. Поэтому, еле сдерживая волнение, последовала за молоденькой девушкой, которая после осмотра и сбора основных анализов отвела меня в специально подготовленную комнату.

– Личные вещи вам здесь не понадобятся, поэтому они будут храниться в ячейке склада. Доступа у вас к ним не будет до окончания учебы.

– Хорошо, – ответила я, протягивая сумку.

Но девушка не уходила, ожидая чего-то еще. Когда неловкая пауза затянулась, она медленно произнесла:

– Мне нужна вся ваша одежда и обувь.

Я перевела взгляд на себя, и почувствовала, как щеки и уши наливаются смущением. Снимая предмет за предметом, думала, что еще минуты назад оголялась для прохождения сканирований, обмеров, но только сейчас этот процесс вызвал стеснение.

– Сложите ее, пожалуйста, в мешок для белья, – попросила девушка, указав на плетеную корзину рядом со шкафом.

Я бросила спортивную куртку и невольно коснулась плетения. На вид прутья были вручную свиты в единую композицию, но пальцы ощутили холод металла.

– Как настоящая, правда? – весело прокомментировала девушка. – Я тоже удивилась качеству дизайна, но это всего лишь аллимагскатит.

– Трудноватое название. Что это?

– Самый легкий и прочный сплав металла. Называется по элементам, входящим в его состав. Здесь много всего сделано из него. Он прочнее титана, долговечнее железа, но при этом экологичный.

Мое удивление вызвало улыбку, но заметив, как девушка посмотрела на часы, я нехотя продолжила раздеваться. Отвлеченный разговор помог совладать со стеснением. Когда последний предмет оказался в корзине, сотрудница завязала внутренний мешок, вытащила его и вышла не прощаясь.

Оставшись одна, я сразу рванула к шкафу, ближе всего стоящего к двери. На полках лежали пушистые полотенца,

сменное постельное белье, несколько комплектов пижамы и нижнее белье. Тут же на вешалке красовались несколько одинаковых удлиненных платьев и спортивных костюмов. Не помню, удивило ли меня тогда, но текстиль и одежда были одного цвета – зеленого. Это был мягкий пастельный цвет, не раздражающий, не вызывающий.

Нагота со всеми недостатками навеяла грусть, и вся тяжесть принятых решений вдруг навалилась на меня. Я схватила всего по чуть-чуть и направилась к стеклянной перегородке, которую правильно приняла за вход в ванную комнату. Автоматический душ с аудио-управлением температуры воды и косметические средства привели меня в состояние личного уюта. А одежда смягчила нервные струны, прикрыв следы самоистязания. Смыв долгую дорогу и напряженное ожидание, я была готова к осмотру нового пристанища.

Комната оказалась небольшой, но очень функциональной. Минимум мебели и максимум удобства. Окно в дальнем углу выглядело натуральным, но при приближении оказалось монитором в оконной рамке. На экране день переходил в вечер, и я подумала, как много успела за сегодня.

Теперь можно было немного расслабиться, но в мою дверь постучали.

Дождавшись разрешения, в комнату вошла девушка с планшетом в руках. Меня сразу привлек ее халат. Он был такой же белый, какой я встречала у других сотрудников, но воротничок, манжеты и подол были прошиты зеленой полос-

кой, под цвет всего, что находилось в шкафу. Это сразу отложилось в памяти.

– Сегодня состоится первая встреча педагогического состава и кандидатов – впоследствии к вам будут обращаться как к студентам. На собрании вам подробно расскажут про программу и цели исследования. В восемнадцать сорок пять нужно будет выйти из комнаты и подождать, пока вас пригласят в зал.

– А сейчас... – я огляделась в поисках настенных часов, но нашла только небольшой механизм, создающий проекцию времени в воздухе. – Ага! Пятнадцать минут пятого.

– Из комнаты выходить не следует: входные сканеры еще в процессе программирования личных параметров. Проще говоря, вы не сможете самостоятельно войти обратно.

Одиночество на два с половиной часа в камере было сомнительным удовольствием. С другой стороны, мне хватило утренней пешей прогулки и совсем не хотелось общаться с другими людьми.

– Скажите, а нет ли у вас чего-нибудь почитать?

– На планшете – он лежит в прикроватной тумбе, – я проследила за ее указательным пальцем. Только я хотела наклониться и открыть ящик, как девушка продолжила. – Есть правила, которые следует соблюдать в течение вашего пребывания на учебе. Начните с них. Библиотеку откроют позже. Об этом вам будет сообщено лично. Простите за временные неудобства.

– Да ничего, дождусь, спасибо.

Она молчала, не отрываясь от заполнения бумаг, но потом подняла голову, и взгляд ее стал стеклянным, и она продолжила говорить уже другим, немного отрешенным голосом.

– Я и другие девушки будем появляться без предупреждения каждое утро. Не пугайтесь и не пытайтесь общаться. Здесь у каждого своя задача. Ваша – хорошо учиться и соблюдать режим и правила. Уверена, вы быстро привыкнете, – поймав понимание и согласие в моем взгляде, она продолжила. – На этом все. Более детальные инструкции вы получите сообщением на планшет. Первое время он будет часто вам нужен, не убирайте его далеко.

Я кивнула, огорошенная количеством информации. Девушка окинула взглядом меня, затем комнату и ушла. Выйдя из небольшого ступора, я присела на кровать рядом с тумбой. Матрас легко пружинил, принимая форму тела, и я чуть не забыла, зачем оказалась здесь. В верхнем ящике действительно обнаружился планшет, а рядом с ним – черный браслет. Планшет лег рядом с подушкой, а браслет попал в руки. Тонкий, легкий, металлический, с экраном и несколькими углублениями, предположительно предназначенными для камеры, проектора, сенсора или еще чего-то в этом роде. Я решила пока отложить его, но взять с собой на встречу.

Обложившись подушками, я включила гаджет. На середине маячил ярлык правил эксперимента. Недолго думая, я открыла файл и начала читать. Строгие конструкции, офи-

циальная лексика и цепочки сплошных существительных навевали на сон. Но продравшись сквозь первую зевоту, мне удалось приноровиться и даже втянуться, так что только будильник оторвал меня от документа, зазывая на встречу.

Сбросив халат, я облачилась в платье, надела простенькие, но удобные балетки и подошла к двери. Только сейчас я заметила, что над входом висела камера. Красный огонек мигал, привлекая внимание, и небольшой объектив пристально следил, передавая изображение дальше. Наблюдение не стало для меня сюрпризом и логично укладывалось в формат исследования, чтобы исключить происшествия в закрытом пространстве комнаты. Я поняла, что надо вести себя прилично и не вызывать подозрений. А главное, надо было привыкнуть к идее, что за нами постоянно следили.

Дверь автоматически открылась, выпуская меня в шумный коридор. Соседи вышли из комнат и уже успели познакомиться, ожидая сопровождающего. Здесь были и мужчины, и женщины. Возраст и внешность сильно отличались, но все были одеты в зеленое. Подспудно я сторонилась людей, поэтому при каждом контакте сразу отводила глаза, стараясь не выражать эмоций на лице. У меня не было никакого желания говорить с незнакомцами и задавать им будничные вопросы, ответы на которые меня не интересовали. После уличной стычки общение с людьми вызывало неприязнь и легкую агрессию.

Место напротив пустовало, поэтому, избегая других, я

вынужденно пялилась прямо перед собой. Но и то недолго, потому что створка зашуршала, и неохотно, почти робко из комнаты вышел мужчина.

– О, Боже, – прошептала я себе под нос.

Конечно, это был он. Его пронизательные голубые глаза встретились с моими пронизательными зелеными. Я выдержала его взгляд. Не отвернулась, не отвела глаз, не притворилась, что смотрела на что-то рядом с ним. Нет. Смотрела прямо на него и поджала губы, растянув их в полуулыбке. Он сделал тоже самое.

«Я понимаю», – имела в виду я.

«Я тоже», – имел в виду он.

Сейчас, когда появилась возможность оценить внешность соседа, я не стала этого делать. Мы были равны по духу, и было совершенно не важно, как мы выглядим. Говорить не хотелось. Слишком тяжело и страшно начинать заново. Но я также чувствовала долю облегчения в том, что среди случайных незнакомцев был кто-то, кто сможет меня понять, с кем можно будет поговорить, если станет невыносимо. Еще с утра, когда он помог мне прийти в себя, мы были чужими людьми, а теперь нас связывали глубокие шрамы.

Я была так занята мысленным общением, что не сразу заметила, как пришли несколько человек персонала и пригласили всех следовать за ними. Смешавшись с толпой, я покорно шагала в ногу с остальными. В тот момент мне нравилось быть частью большого потока.

Через какое-то время человеческое море успокоилось. Мы остановились у больших деревянных дверей, контрастирующих с высокотехнологичным оборудованием остальных этажей. За раскрытыми настежь половинками виднелся огромный зал, залитый белым электрическим светом. Двое мужчин в белой форме преграждали путь, но как только часы показали 18.55, они уступили дорогу нетерпеливым студентам.

Вокруг меня толпа постепенно просачивалась в проем и механически потащила меня с собой. Размеры зала так сильно отличались от коридорной тесноты, что мне стало не хватать воздуха. Я чувствовала приближение паники и ушла в себя, чтобы не дать ей завладеть телом.

Терпеливо снося то, как проходящие пихали локтями, наступали на ноги, цокали языком и громко недовольно вздыхали, я не могла ничего с собой поделать. И вдруг пространство очистилось от людей, но заполнилось чем-то еще. Народ продолжал проплывать мимо плотным потоком, но при этом никто не смел ко мне приближаться. Я обернулась: на расстоянии шага от меня стоял сосед. Он ничего не говорил, ни на кого не смотрел, он просто заслонял меня, и толпа не отваживалась перечить ему, огибая нас, насколько это позволяла ширина коридора.

Затем он перевел на меня взгляд, без эмоций, но с интересом. Я кивнула, поблагодарив за дополнительные секунды, чтобы привести себя в порядок. Мне не нужно было ничего

говорить, ведь я знала, что он и так поймет.

Я повернулась обратно, наполняясь светом, отраженным от его сердца, и вошла в зал. Передние ряды быстро заполнялись, но я и не стремилась вернуться в толпу, выбрав крайнее место в последнем ряду. Боковым зрением я проводила соседа, невозмутимо прошедшего дальше и расположившегося где-то ближе к середине. Высокие потолки зала создавали воздушную подушку и ощущение, что случайно забрел к великанам. Однако при такой вместимости – а в зале находилось несколько тысяч человек – воздухообмен был важным условием.

Сцена, на которой стояли столы с микрофонами для выступающих, была настолько далеко, что невозможно было разглядеть лиц. Для удобства на стенах висели экраны. Сейчас они транслировали, как мужчины и женщины не моложе лет сорока искали таблички со своими именами, приветствовали друг друга и обменивались репликами, – все это доставляло им много радости, читавшейся в искрящихся глазах. Они были взволнованы и в нетерпении. И их предвкушение передалось мне и вызвало улыбку. Я стала частью чего-то огромного и по-настоящему стоящего, о чем всегда мечтала.

К микрофону подошла молодая женщина в строгом черном костюме с повязанным на шее зеленым шелковым платочком. После небольшого приветственного слова она приступила к рассказу о браслете. Одновременно на экране воспроизвели подготовленную презентацию. Гаджет вел мони-

торинг состояния физического здоровья владельца и предназначался для предупреждения кризисных ситуаций. Повторяя, что происходило в кадре, женщина вертела браслет в руках, представляя его со всех сторон.

Ее заученная манера декламировать напомнила бортпроводницу в самолете, объясняющую правила пользования спасательным жилетом. Однако как аудиал все же слушала инструкции, потому что разбираться самой было бы труднее, а искать помощи со стороны я вряд ли смогла бы – это превышало мои возможности общения.

В итоге браслет защелкнулся на тонком запястье, лишь на мгновение обдав кожу холодом металла, и я надеялась, что сниму его позже всех участников. Ремешок плотно облегал руку, и когда прекратилась небольшая вибрация и погасли огоньки вокруг экрана, пропали ощущения, что он вообще был одет.

Наконец стали представлять спикеров, и каждый из сидящих на сцене взял слово. Говорили они долго, вдавались в детали, показывали графики и статистические отчеты, рассказывали о глобальных целях и тех шагах, которые собираются предпринять. Сначала в голове творился хаос от происходящего: целая группа самых умных людей страны рассказывали о том, что раньше считалось фантастикой и глупым вымыслом. Среди наук был сильный разброс: от психологии и физической подготовки до квантовой физики и небесной механики. Но со временем картина стала проясняться. Каж-

дый из присутствующих ученых считался одним из лучших в своей сфере и был приглашен, чтобы передать максимально сжато, но понятно, свои знания участникам эксперимента.

Хотя сидела я достаточно далеко, мое внимание привлек один ученый в очках и растрепанными седыми волосами, так похожий на Альберта Эйнштейна. Он часто попадал в кадр, выделяясь особенным сосредоточением. Думающая морщинка на лице между надбровными дугами не исчезала весь вечер. Он следил за всеми и постоянно фиксировал что-то в блокноте. Также он с интересом рассматривал сидящих в зале. Он выступил последним, и казался самым неуверенным оратором из всех, что держали слово тем вечером.

– Дорогие кандидаты, будущие студенты, я хочу, чтобы вы поняли, что мы сами пока только предполагаем, что ждет избранных из вас в параллельных вселенных. Но для того мы и устраиваем этот эксперимент, чтобы дать вам максимум знаний, которые быгодились в других мирах. У нас нет однозначных результатов исследования перегрузок и последствий путешествия сквозь космические материи, поэтому мы воспользуемся подходящей к данной ситуации программе подготовки космонавтов, как по физической нагрузке, так и по информативной. Однако у нас есть четкое понимание кандидатуры пилота, поэтому отбор будет жестким и беспощадным. Учитесь прилежно, раскрывайте свой потенциал и удачи!

После необычной приветственной речи главы экспери-

мента собрание быстро завершили, и нас группами повели обратно. Я была рада вернуться в свой уголок, но перед тем как изолироваться от остальных, что-то заставило меня обернуться и проверить, пришел ли сосед. Я успела увидеть его спину, скрывающуюся за автоматической дверью, и бодро шагнула в свою комнату, позволяя компьютерной программе запереть на ночь и меня. На сегодня впечатлений мне хватило, поэтому я сразу прыгнула в кровать. Ленивым движением нащупала планшет, чтобы проверить наличие новых сообщений. И действительно во время собрания нам разослали расписание занятий. Однако сил на чтение не хватило, и я уснула раньше, чем открыла письмо.

Шаг третий

Меня разбудила нежная мелодия, замолкнувшая, как только я села на кровати. Обычные утренние дела медленно раскачивали серые клеточки, пока, наконец, я не почувствовала себя готовой к первому дню. Дверь зашуршала, и в комнату вошла девушка, во многом похожая на вчерашнюю. Осматривая ее униформу, я подумала, что и мы в одинаковой одежде выглядели для них на одно лицо.

Девушка поправила очки и приступила к работе. Ее взгляд метался по комнате, а левая рука заполняла пустые поля в табличке. В прозрачных стеклах что-то мелькнуло, и стало понятно, что на ней была отечественная разработка смарт-очков. Девушка принимала входящие параметры и вписывала нужные показатели.

– Доброе утро, – сказала я автоматически, но после ее безразличного взгляда осеклась, вспомнив предупреждающие слова. Было немного странно игнорировать живого человека, но мне предстояло с этим свыкнуться. В задумчивости я перевела взгляд на камеру и представила, что в этот момент за мной также наблюдают и другие сотрудники, и они отличаются только тем, что физически здесь не присутствуют.

Ощущения чужого взгляда так неприятно пронизывали тело, что я поторопилась к выходу. Запах еды в коридоре вывел меня к столовой. Это было большое пространство,

сейчас освещаемое яркими лучами солнца, проходящими сквозь толстые стекла панорамных окон. Мне сразу вспомнился балкон проданной квартиры, но урчание живота вернуло в реальность. Я взяла поднос и встала в очередь. Передо мной стояло человек пятнадцать, но продвигались мы медленно. Виной тому было разнообразие блюд, сбивавшее с толку голодных посетителей. Выглядывая из-за спин студентов, я быстро определилась с завтраком и снова принялась осматривать помещение.

Высокие потолки и светлые стены оставляли чувство необъятности пространства, а окна, растянувшиеся на две стены, делали его бесконечным. Сердце застучало быстрее, когда взгляд наткнулся на проход, ведущий на открытую террасу. Я уже представила, как поглощаю еду, обвеваемая свежим воздухом, однако первый день осени неожиданно выдался ясным, и у многих возникла то же желание.

Заполнив поднос яствами, я в нерешительности остановилась в поисках места. Столики, плотно приставленные друг к другу, вытягивались длинными рядами и позволяли увеличить проходимость потока, но меня совсем не тянуло вклиниваться в чужие разговоры, слушать посторонние звуки, и я продолжала оглядываться. Мое внимание привлек укромный уголок, где заканчивались панорамные окна и начиналась глухая стена. Проход здесь был затруднен автоматизированными системами приема грязной посуды, тянувшими колоннами до самого потолка, а, возможно, и сквозь

несколько этажей, поэтому последний ряд сократили до двух столов.

Именно туда я и направилась – скрыться от глаз и распросов. Мне нужно было время, чтобы адаптироваться к толпе, посмотреть со стороны, оценить свои силы. Ни о чем не думая, я перекусила, поглядывая в окно. Вид оставлял желать лучшего, открываясь лишь на соседние небоскребы – корпуса, отданные для научных изысканий в других сферах. Зато небо и солнце были настоящими, и этого было достаточно для хорошего настроения. Я взяла с собой планшет, чтобы почитать, но не могла оторваться от облаков, плывущих в тропосфере. Они могли выбирать форму, слиться или кучиться, но никогда – скорость и направление. Они приносили живительную влагу, спасительную тень, а иногда смертельно опасные молнии, сжигавшие леса. Я знала людей, которым нравилось жить как облака, ведомые попутным ветром, но себя представляла, скорее, деревом, глубоко пускающим корни, чтобы дать все лучшее своим плодам.

Вдруг столовая оживилась звуками срабатывающих напоминаний, что раздавались из браслетов, сообщая об окончании завтрака, и я поторопилась на свое первое теоретическое занятие.

Так начались будни. Каждый день я вставала в одно и то же время, шла на завтрак. Затем были лекции, спорт, обед, лекции, ужин, свободное время. Никто не задерживался, никто не отбивался. Лекции были без домашнего задания, но

на следующий день всегда кратко резюмировали пройденный материал. Одна тема плавно вытекала из другой, упорядоченно укладываясь в памяти. Я как примерная ученица записывала тезисы, определения, формулы и другие заметки в толстые тетради. Занимаясь чем-то механическим, исключала возникновение мыслей и наплыв воспоминаний, полностью сосредотачиваясь на предмете.

От насыщенности теоретической программы и того, что я не изучала эти предметы ранее, каждый вечер у меня болела голова. Она пухла от обильности информации, вкладываемой в нее за день. Мне приходилось перечитывать записи в тетрадках и рыться в книгах на планшете, чтобы заполнить пробелы и выстроить собственные цепочки смысла. Сквозь усталость и боль я не давала себе покоя, пока не находила нужных ответов, ведь понимала, что мне требовалось создать, во-первых, крепкий фундамент для дальнейших знаний, и во-вторых, репутацию, которая никогда не была лишней.

А вот спорт я невзлюбила. Но не потому, что не любила физическую нагрузку. А потому, что при однотипных движениях в монотонном ритме расслаблялась голова, и тогда приходили мысли. Вместе с ними оживлялась память, а это было уже чревато. Спорт – единственное время, когда я отвлекала себя и всех вокруг и назойливо задавала многочисленные вопросы. Я спрашивала, почему плачут приборы, что показывают мониторы, есть ли у меня лишний вес, готовят

ли нас в космонавты, почему я попала в зеленую группу, есть ли группы других цветов, почему никто не носит бейджиков, сколько собеседований нужно было пройти, чтобы попасть сюда, – и это лишь маленькая толика того, что приходилось выслушивать персоналу. Я просто озвучивала первый возникающий в голове вопрос, чтобы забить ее глупостями и не впустить ничего другого. Меня ругали, говорили, что я сбиваю дыхание и это плохо для сердца. Но после одного случая мне стали прощать такое поведение, а инструкторы порой сами заводили разговор.

Это случилось в первую же неделю. Тело еще не привыкло к нагрузкам, и в начале бега в боку кололо. Я успешно отвлекалась от дискомфорта, спрашивая стоящих вокруг меня работников, из-за чего это происходит и как с этим бороться. Но когда мне пригрозили отчислением за лишние разговоры, пришлось умолкнуть. Вперив взгляд в пустоту, настроила ритм бега под нужную скорость. Пытаясь мысленно успокоить шокированную печень, я расслабилась настолько, что внутренний блокиратор памяти тоже слетел. И на меня нахлынули чувства.

Первая беременность – самое волшебное и страшное время для любой женщины. Ты одновременно наслаждаешься растущим чудом и панически реагируешь на все, что происходит внутри и снаружи. Тогда мне вспомнилось, как однажды на позднем сроке заболел бок, совсем как сейчас, болел не сильно, но очень длительное время, и мое состояние по-

степенно ухудшалось. Помню по телефону скорой помощи на меня орали, что я рожая, хотя это было далеко от правды; помню, как по пробкам меня везли в центр города и каждый час вкалывали обезболивающее; помню, как маленькая ручка через плаценту тянулась к больному боку, будто глядя меня изнутри и так хотелось ее в благодарность поцеловать...

В этот момент, все еще передвигая ногами по движущемуся полотну, я схватилась за сердце, потому что боль стала невыносимой. Остановка лишь на секунду – и дорожка на всей скорости откинула меня к стенке. Удар был неожиданным и сильным, но ничто не могло перекрыть потерю. Я лежала на полу с огромной шишкой на затылке и сочившейся из нее кровью, но думать могла лишь о том, как сильно хочу к детям. Слезы лились рекой, разум был затуманен от удара и эмоций, но, кажется, я кричала. Говорят, громко, даже истошно.

Из медблока меня отпустили со словами «не стоит так волноваться» и освободили от спорта на три дня. Я боялась, что меня отчислят по состоянию здоровья, особенно психического, но вместо этого назначили наблюдение у специалиста. Как ни старался Вишустин, местный психолог, он ничего от меня не добился, хоть и забрасывал вопросами о произошедшем, заходя с разных сторон. Скрепя сердце Вадим Олегович вновь разрешил мне заниматься, но с пометкой «о ненаказании в случае отклонения от правил».

После инцидента меня стали еще больше сторониться,

шептались за моей спиной, отводили глаза и точно не пытались сесть рядом или заговорить. Это было к лучшему, я могла полностью отдаться учебе, книгам и мыслям о параллельных вселенных.

Моим любимым временем был ужин. Это как утро пятницы в пятидневную рабочую неделю: если ты проснулся и доехал до работы, то, считай, день состоялся. Так и здесь, за ужином уже можно было не думать о физике, биологии, высшей математике, истории, психологии и других предметах. Обычно после всех занятий я успевала сбегать за планшетом, чтобы заполнить свободное время придуманными писателями мирами.

Порой я украдкой наблюдала, как формируются компании по интересам – естественное желание найти себе подобного. Люди знакомились, общались, и в столовой всегда было шумно от жарких споров и громкого смеха. Иногда мне даже приходилось отвлекаться от чтения, когда гул голосов перерастал в гвалт, и я обращала внимание на кучные компании молодых людей, беззаботно болтающих на повседневные темы. Сейчас они думали только о том, как здорово было сюда попасть. Они жили моментом, радуясь каждой крошке живого общения и загадывая наперед не дальше следующего утра. Они подчинялись правилам лишь потому, что не хотели выбирать сами, чтобы потом со счастливой улыбкой рассказывать, как они пытались, хоть и не дошли до конца.

Я вглядывалась в их лица, не понимая, зачем они тратят

свое время, когда могут проводить его как угодно и с кем угодно. Я видела, как горят их глаза, раскрывая, что им есть, что терять в этом мире. Зачем же тогда они стремятся в другой? Зачем отпускают синицу в руках ради журавля в небе?

Потому что они могли. Я сама была такой же. Раньше. Сейчас я научилась абстрагироваться от настоящего момента и видеть картину в целом, идти к финишу, а не топтаться на месте. И этот эксперимент воспринимался мной лишь как ступень к мечте. Она была только моя, и идти следовало в одиночестве.

Все же изредка я представляла себя в одной из таких групп, придумывая реплики и шутки. Но развивая эту тему в воображении, четко видела момент расставания с теми, кто не проходил отбор. Разлука омрачит общение друзей, оставив горький осадок. Но цикл сближения и отталкивания будет повторяться вновь и вновь, пока проект не достигнет финиша с небольшой группой выживших с измотанными нервами и наполненных разочарованием. Такая перспектива отбивала у меня желание заводить знакомства, и я с тяжелым выдохом возвращалась к тетрадам.

Порой мне хотелось рассказать о своем дне: как сложно бывает успевать за мыслью преподавателя, когда слушаешь и пытаешься записывать, как странно ведет себя утренний персонал, так что возникает чувство, будто живешь в доме с привидениями, как неприятны тычки и подножки, когда идешь к первой парте, как мурашки бегут от холодного

взгляда, преследующего в толпе, как удивительно вкусно готовят, и я бы осталась здесь навсегда. Но никто не спрашивал, поэтому я читала.

Наконец открыли библиотеку, так что я любила заходить в читательский зал и листать толстые фолианты. Многие любят искусство: картины, архитектуру, а ведь книги – это печатный шедевр. Кроме содержания, издательства работали над шрифтами, заголовками, расположением текста, украшением страниц рамками. Мне особенно нравилось, когда выделяли первые буквы новой главы. Например, украшали розами, если речь в главе шла о дивном саде, или плющом, если рассказывалось о заброшенном замке.

Я проводила в библиотеке много времени, наслаждаясь запахом старины, шелестом пожелтевших страниц и литературными дневниками писателей. Порой меня увлекали их биографии. Трудно было представить, что тексты, полюбившиеся миллионам, когда-то были десятки раз отвергнуты издателями. Страшно было представить, как авторы умудрялись сохранять веру в себя и в силу своих произведений и шли к следующему редактору. В книгах этих писателей хотелось отыскать разгадку внутренней стойкости и уверенности в достоинстве собственных суждений и целей.

Я только что достала новую книгу для изучения, когда браслет пригласил на ужин. С сожалением вернув книгу на полку, я взяла ранее отобранные книги и подошла к конторке. Девушка улыбнулась, придвинула ближе к себе стопочку

и начала оформлять выдачу. Процесс занял не больше минуты, и книги с отсканированным штрих-кодом очень быстро легли рядом со мной. Я уже протянула руку для считывания моих данных с браслета для завершения процедуры, как девушку что-то смутило, и она отложила последнюю книгу.

– Простите, я не могу выдать вам Замятина, – она виновато посмотрела на меня.

– Почему? – удивилась я. – Это же классика.

– На данном этапе вашего эмоционального состояния произведение «Мы» может негативно сказаться на вашей... реакции.

– Это Вишустин запретил? – сообразила я.

Девушка не ответила, но заговорщически поводила глазами туда-сюда и потом слегка кивнула. Я догадалась, что за каждым ее движением так же следили, и кивнула ей в ответ.

– Простите, – сказала она громче обычного, продолжая быстро писать, – я не имею права разглашать эту информацию.

– Да тут и разглашать ничего не надо. Никто другой так обо мне не заботится, как он. Золотой человек, – шутливо добавила я, вызвав улыбку библиотекаря.

Все еще улыбаясь, она приблизила мою руку к сканеру, и вскоре я шагала с новыми книгами в столовую. Но мне не давало покоя, почему нельзя было читать Замятина. Это же не история любви. Или... Что могло быть в этой книге, что могло негативно сказаться на моем состоянии? Бред какой-то,

думала я.

До этого момента я много слышала об этой книге, но руки до нее не доходили. Дома всегда было чем заняться, и читала я редко. Теперь, когда требовалось разгрузить голову от постоянной учебы, я открывала для себя новые имена и погружалась в художественные произведения, о которых так много слышала. Не всегда книги производили ожидаемого эффекта, но всегда цепляли словами, героями или их поступками. Я даже завела литературный дневник и, ведомая здешними обычаями, стала от руки заполнять его в блокноте.

За ужином по привычке я начала читать еще в очереди. «Зов полярных широт» Владимира Санина мне посоветовала библиотекарь, чье имя я стеснялась спросить, боясь попасть в немилость местным правилам. По ее словам дух книги был близок тому, чем мы занимались в программе, и помогал укрепиться в личной мотивации. С первых страниц книга разочаровывала: затянутая завязка и потерявшие актуальность детали советского прошлого отталкивали от чтения. Я постоянно отвлекалась, осматриваясь вокруг. От меня не ускользнуло, что некоторые студенты намеренно игнорировали мое положение и нагло вставали к знакомым впереди очереди. Было обидно и непонятно, с чего было такое отношение, и ничего не оставалось, кроме как возвращаться к исследованиям Антарктиды.

К счастью, сражение с текстом закончилось, как только повествование достигло вековых льдов, и я тут же потеря-

лась во времени и пространстве, оказавшись в бесконечно белом и предельно суровом мире.

– Кхе-кхе... Простите, можно?

Я подняла глаза и несколько секунд фокусировала их на человеческом лице, но все еще видела строчки из букв. Мне пришлось опустить веки, чтобы перезагрузиться, и когда вновь открыла глаза, случайно выдала свое недовольство тому, кто так грубо нарушил мое уединение. Это был сосед. Я потратила еще какое-то время на переваривание этого факта.

Автоматически оглядев зал и увидев много свободных мест по всей столовой, я не сразу догадалась о причине его вторжения. От группы девушек донесся громкий смех, и мне стало ясно, от чего он решился на этот шаг. Они не сводили с него глаз, обмениваясь шутливыми замечаниями. Мгновенно среагировав, я пригласила его присоединиться к моей избе-читальне. Он не ответил, но я уловила, как его рот слегка растянулся в легкой улыбке. Поставив поднос на край стола, он положил планшет перед собой и сел наискосок, насколько позволяла длина стола. Я чувствовала, что будет продолжение разговора, поэтому выжидающе молчала.

– Я просто хочу покоя. Рядом с вами, – он запнулся, – тишина.

Его слова отозвались в душе. Я ведь тоже глушила голоса, особенно по ночам. Чтобы ты ни делал, нельзя просто стереть звуки, которые приносили столько радости. Смех, ше-

пот, крик. Тишина – это благо, ее нужно заслужить. Внешнее радио очень раздражает: среди тысячи звуков мозг всегда пытается услышать привычные нотки, заставляя тебя вслушиваться, искать, обращаясь в слух, и жаждать улавливания знакомой речи. Даже при том, что он знает, что их больше нет.

– Понимаю.

Поэтому я читаю. Поэтому читает мой сосед.

– А где вы взяли бумажную книгу?

– В библиотеке, вестимо, – не отводя взгляда от страницы, ответила я.

Он схватил планшет и стал раздражающе тыкать в экран. Сообразив, что он не успокоится, пока не найдет информацию о местонахождении книжного рая, я подняла глаза и максимально коротко и четко рассказала, как добраться до места. Он поблагодарил, хотя при этом у него промелькнуло удивление, и принялся за ужин. Перед тем как вернуться к вечному холоду, я поймала себя на мысли, что приятно наблюдать за жующим человеком, сидящим так близко от тебя. Но долго это не продлилось. Проглатывая пищу, будто не жуя вовсе, мой сосед скоропалительно исчез из столовой еще до того, как я сделала первый глоток чая. Он сбежал не попрощавшись, но я точно знала, где он собирался пропадать ближайшие часы.

Так мы стали проводить вечера – рядом. Отвлекаясь от книги, я стала замечать направленные на нас взгляды. Люди

смотрели с презрением ко мне и с жалостью к нему. Порой я еле сдерживалась от смеха, как будто то, что они думали, имело для нас какое-то значение.

Наш союз стал спасением для обоих. Он подавал мне руку, отодвигал стул, приоткрывал дверь. В этом не было чувства, он делал все механически, но я всегда могла рассчитывать на то, что он появится в нужный момент, чтобы избавить меня от усилий. Он в свою очередь знал, что к нему не подойдут, с ним не заговорят, не станут донимать, и мог рассчитывать на свободное место.

Единственное, что мы делали редко, это смотрели в глаза друг другу. Для нас прямой контакт казался непозволительной роскошью. Это было больше необходимостью, чем нежеланием. Мы просто не могли видеть собственные отражения, мгновенно чувствуя подкатывающие волны прошлого, поглощавшие и меня, и его. Мы прятали глаза в книгах или отворачивались. Именно так я заметила, что плотность в коридорах и на занятиях таяла.

Прошло три месяца с начала учебы, и пошли первые отчисления. Сокращались учебные группы, кучки смешливых подружек редели, настроение падало, напряжение росло. Это не институт, где шли навстречу, давая шанс на еще один семестр. От качества знаний зависело будущее, и ошибок, праздности и рассеянности здесь не прощали. Настал тот момент, когда занятия и тесты давали свои результаты. Все, кто не сумел выдержать высокий темп и усвоить мате-

риал, мгновенно вылетали. Сегодня аудитория была заполнена до отказа, но уже завтра треть могла пустовать.

С высоким процентом правильных ответов я была спокойна за свое место под солнцем и даже находила немного времени на чтение. Вот и сейчас у меня в руках была книга, однако я перевернула последнюю страницу. Дочитав, обняла печатное издание, как делала обычно, и медленно отпускала полюбившихся героев, ведь они останутся здесь, а мне – идти дальше.

Хлопок заставил меня оглянуться на звук. Это сосед бросил на стол книгу, а затем с грустью выдохнул. Я знала это чувство. Такая печаль наведывалась, когда хорошая книга подходила к концу, а расставаться с ней не хотелось. Мне захотелось улыбнуться, потому что я как никто поняла его, а еще потому, что я вдруг не была одна.

Впервые за долгое время наши взгляды встретились. Мои объятия разжались, и книга скользнула на стол по соседству с его.

– Вы тоже? – обрадовался он.

– Тоже, – кивнула я.

Его улыбка показалась впервые. И что-то внутри изменилось. Не могу точно описать, проснулось ли что-то новое или шевельнулось что-то спящее, но где-то глубоко отметила эту перемену, хотя в тот момент не придавала ей большого значения. Он толкнул свой роман в мою сторону и дотянулся до моего.

Шаг четвертый

Следующее утро началось с посещения очередной девушки-проверяющей. Я, по привычке игнорируя ее, спокойно занималась своими делами. Девушка перегородила дверь, и когда я подошла вплотную, она движением попросила остаться на месте.

– Прошу вас задержаться в комнате и дождаться нового расписания. Вы переходите на новый режим тренировок.

– Да, конечно, – сказала я и присела на кровать.

Девушка заполнила свежий бланк, подняла голову и отчетливо объявила:

– Поздравляю вас с переходом на третий уровень.

– Спасибо. А можно поподробнее про систему уровней?

– Конечно. Изначально было рассмотрено несколько десятков тысяч кандидатур, по итогам каждому прошедшему был присвоен свой уровень подготовки. Самый низкий уровень допуска был десятый. Но многие из них быстро выбыли.

– Хм, то есть шли от большего к меньшему, – думала я вслух.

– Вы поступили с ... э-э-э... – она сделала паузу, листая документы в папке, найдя нужное, удивилась, но сохранила спокойствие голоса, – с... пятого уровня. Хм... Из пяти тысяч только двое человек прошло с тем же результатом.

– Одного я точно знаю.

Она непонимающе посмотрела на меня, но уже в следующее мгновение осенившая мысль осветила ее лицо. Она быстро кивнула и вернулась к документам. Это было настолько очевидно, что даже смешно. То, через что прошли мы с ним, нельзя превзойти интеллектом или мотивировать попаданием в историю. Этот путь – самый тяжелый из всех, но он сделал нас непобедимыми.

– Сегодня вас переводят на другой этаж, где вы будете продолжать обучение и тренировки. Вещи мы перенесем сами.

– Как скажете.

Девушка вручила мне лист о переселении и вышла из комнаты. Прозвучал сигнал о поступлении сообщения на планшет, и я легла на кровать, чтобы его прочитать. Это оказалось долгожданное расписание. Просмотрев его последовательность, я отложила гаджет и покинула комнату. Не было смысла оборачиваться и попрощаться с комнатой, потому что не питала к ней никаких чувств. Все, что осталось внутри, было лишь вещами, тем более мне не принадлежащими, они не имели никакого эмоционального отклика, а значит, не стоили и ностальгии. Не стоило держаться за временные ощущения. Только вперед. Только до конца.

Дойдя до нужной аудитории, я немного удивилась ее размеру. Она оказалась намного меньше предыдущих: в помещении стояло не больше пары десятков столов, большая часть которых была уже занята. Первые ряды как в любом

учебном заведении занимались редко, и сейчас они тоже были свободны. Нацелившись на одно из таких мест, я пошла между рядов и зацепилась взглядом за интерактивную доску. На экране высветилось имя профессора, Палин Михаил Лаврентьевич, а рядом стоял тот самый мужчина, запомнившийся мне на собрании.

Вблизи он казался выше, и в этот раз его волосы были коротко подстрижены и аккуратно уложены, но образ Эйнштейна навсегда остался со мной. Прежняя усталая сосредоточенность сменилась спокойной серьезностью, но в движениях читалось нетерпение.

Он о чем-то активно переговаривался со своей помощницей. Она кивала и делала пометки в блокноте. Он вдруг поднял глаза и посмотрел на меня. Доли секунды, и я поняла, что он узнал меня. Меня, которую видел впервые. Мы поздоровались, и я поспешно отвела взгляд, внезапно испугавшись такого внимания.

Сердце еще трепетало, когда дверь в аудиторию скрипнула, и я услышала уверенную поступь вошедшего. Ритмичность движения и твердость походки подсказали, кем он был, поэтому я не обернулась. Звук шагов приблизился и стих. Не говоря ни слова, ко мне подсел сосед. Сначала меня удивило его поведение, ведь он никогда не садился рядом, если были другие места, и я строго на него посмотрела. Он не видел этого, потому что его взгляд был направлен вперед. В зале было достаточно свободных столов, когда я пришла, но

оказалось, что в считанные минуты помещение набилось до отказа. Когда сосед повернулся ко мне лицом, я была приветлива.

Вечером мне открыли новую комнату. Теперь шкаф был забит текстилем и одеждой фиолетового цвета, такого же пастельного и мягкого оттенка как предшествующий зеленый. Сама комната была больше предыдущей, с удобным креслом и журнальным столиком, с оборудованным рабочим местом. Я сразу вспомнила неудобные позы, в которых приходилось сидеть, чтобы вместить вокруг себя все раскрытые учебники и тетради. Но первое, что бросилось в глаза, это моя книга, лежащая на кровати в том же месте, где я оставила ее утром.

Дочитав произведение в короткий срок, я понесла его в библиотеку. Знакомая девушка сидела за конторкой и заполняла какие-то документы. Она улыбнулась, увидев меня.

– Добрый день. Что-то вы долго в этот раз. Новый уровень, да? Поздравляю. Теперь за вас возьмутся серьезно.

– Спасибо. Пока мало что поменялось, но у нас впервые вел Палин.

– О! Михаил Лаврентьевич. Не знала, что он преподает. Он же здесь главный, вы знали?

– Догадывалась, но не вникала в подробности. Нам никто ничего не рассказывает.

– Да, это его открытие и его проект. Он когда выбивал гранты для проекта так и говорил, что либо он лично контро-

лирует на каждом этапе, либо он уничтожит все документы по открытию и пусть сами ищут способы. Представляете? – она звонко засмеялась, но книги скрадывали звуки, поэтому в комнате скоро вновь воцарилась тишина.

– Вот это уверенность! – удивилась я. Это вдруг натолкнуло меня на мысль, что раз Палин был так сильно вовлечен в процесс, он мог лично отбирать кандидатов. Отсюда мог знать и обо мне. Но эта догадка все же казалась притянутой за уши.

В это время библиотекарь взялась за мои книги. Помечая галочками проверенные, она резко стала серьезной. Что-то изначально ее смутило. Она порылась в карточках, нашла нужную строчку и подняла голову.

– Это не ваша книга.

Пока мысли пытались упорядочиться, она засмеялась и даже просияла. Я упускала что-то важное, что она видела, а я – нет.

– Подождите, – сказала я. – Давайте с самого начала.

– Ха-ха, давайте! Смотрите, вас не было чуть дольше, чем обычно, а сейчас вы сдаете книгу, но не ту, что брали.

Она так выразительно на меня посмотрела, что извилины поднатужились, и я, наконец, спустилась из космоса на землю, и поняла, какую романтическую развязку ждет библиотекарь. Я засмеялась, вспоминая ту неловкую ситуацию в столовой.

– Ну, конечно! Мы обменялись за ужином. Потому что

книга уже закончилась, а вечер только начинался! – выпалила я.

– Как мило, ужин... Хотя в правилах вроде запрещено...

– Это не то! Это ужин, в столовой, – перебила я. – Как бы это объяснить...

– Вы о том, что вы потеряли семью, он потерял семью, и вы держитесь вместе, потому что понимаете друг друга?

Улыбка мгновенно сошла с моих губ. Я не могла видеть себя со стороны, но уверена, что лицо резко побледнело. К горлу подошел ком, и я не сразу и уже измененным голосом, но тихо спросила:

– Это так очевидно?

Видимо, мое выражение достаточно живописно отразило изумление, потому что она поспешила объясниться:

– Ах, простите, если я взболтнула лишнего. – Я заметила, что ее глаза округлились, а уши вспыхнули. – У меня ваши личные дела и строгие инструкции насчет общения. Психология – штука сложная, мы проходили специальный курс перед тем, как нас взяли на должность. У меня информация на всех, кто в анкетах изъявил желание получать бумажные книги. Таковых оказалось сравнительно немного, но мне хватает работы. И поэтому же я ваши данные знаю наизусть, – все еще извиняющимся тоном говорила она.

– Но они мои личные... – пыталась протестовать я.

– Да, но вы подписали разрешение. Теперь все ваши счета за рестораны, салоны, магазины, телефоны, принадлежат им.

Они знают о вас все, что когда-либо попало в базу, включая скорость роста, набор веса, болезни, роды, свадьбы, смерти. Все прошедшее через государственные системы и учреждения, все данные, выложенные в фото, видео или аудио формате. Вся ваша жизнь у них на сервере: все, что вы когда-либо прилюдно делали или говорили, все ваши улыбки, слезы и пьяные выходки.

– Хватит! – не выдержала я.

– Вы думаете, нам легко? Первые три месяца были простыми: все было милыми, общались с удовольствием, задавали вопросы, спрашивали совета. А потом пошли сокращения, и началось... В меня запускали мои же книги! Один чуть не уронил стеллаж, пока искал нужное издание, чтобы доказать, что он ответил правильно, а ответ не засчитали и он потерял три балла, из-за которых его и отчислили. Сумасшествие. Боюсь представить, что у вас там наверху происходит! – и почти шепотом добавила. – Но вы двое... – Я замерла при этих словах. – Знакомая из столовой рассказала, что вы вместе сидите, и я сравнила ваши анкеты. Представьте мое удивление, когда я прочла одно и то же у двоих совершенно разных людей. Признаюсь, прочитав впервые, я не сдержалась. Я даже не знаю, что говорить в таких случаях. Кажется, что заученные фразы сюда не подходят.

Ее прорвало так, что она, забыв о камерах, выпалила все, что накопилось. Парализованная ее словами, я не реагировала, даже не моргала, думая только о том, почему ожидала,

что личное будет личным, когда сама же не читая подписала разрешение на все, что они просили. А значит, на использование и распространение личных данных среди всех заинтересованных лиц, имеющих соответствующий доступ.

Они следят за нами, прячась за камерами и наблюдая на экранах, обсуждают нас, когда мы не можем их слышать. Мы для них – развлечение, интерактивное шоу, увлекательный сериал. Они оценивают и сравнивают нас, делая ставки, кто попадет в финальную группу. Мне стало тошно, и захотелось просто уйти.

– Слова здесь лишние, – ответила я ей. – Я не буду ничего брать.

– Я все-таки сказала что-то не то, – вдруг сказала она, заметив мой отрешенный взгляд. – Простите, я не хотела вас задеть. От этого эксперимента ждут определенных результатов, и их достижение на грани невозможного. Руководство, да и все мы находимся под огромным давлением. У каждого этапа есть свои критерии прохождения. Малейшее отступление, и ты за бортом. Так просто смотреть на цифры и вычеркивать имена, когда ты сидишь в уютном офисе с прекрасным видом. А мы смотрим в лицо каждому из вас. Мы видим людей, живых, мечтающих. Нас бросили на растерзание людям, которым они подарили надежду, а нас заставляют бесцеремонно ее отбирать, – она тяжело выдохнула. – Я сидела в холле, регистрировала волонтеров. Я видела их горящие от предвкушения глаза. Поставив все подписи, они считали,

что уже достигли звезд. Несколько месяцев они строили иллюзии, рассыпавшиеся в одночасье, когда их пнули под зад за недостаток в полбалла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.